

Маги начинают и выигрывают

Р. Софья Олдугина

КОФЕЙНЫЕ
ИСТОРИИ

Добро пожаловать в Великую Аксонскую Империю!

Здесь по улицам славного города Бромли все еще раскатывают кебы и омнибусы, но под землей уже шумит метро. Здесь в переулке можно встретить бродячую гадалку — или благородную графиню, а если отвернется удача — получить ножом в бок. Здесь проходит рубеж веков и за эпохой лошадей наступает век паровозов, а следом уже спешат, подгоняя прогресс нетерпеливыми гудками, первые электромобили.

А в сердце города гостеприимно распахнула двери самая желанная кофейня столицы — «Старое гнездо», только вот ее хозяйке сейчас не до светских развлечений. Чудом пережив покушение, леди Виржиния знакомится с детективом Эллисом — нахалом, грубияном и отнюдь не джентльменом. И теперь уже в ее судьбе начинается новая эпоха, а к худу или к добру — покажет лишь время...

Софья Ролдугина
Кофейные истории
Роман

© С. Ролдугина, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

История первая

Кофе с перцем и солью

В медный кофейник с кипящей водой следует засыпать кофе и вновь медленно довести до кипения, пока пена не начнет подниматься воздушными облачками.

Закипевший напиток снять с огня и добавить черный перец на кончике чайной ложки, а затем опять вернуть на огонь и снова довести до поднятия пены, повторив сие три раза.

И только после этого добавить щепотку соли и немного сливочного масла. Когда гуща осядет, можно разливать по чашкам.

Этот напиток имеет вкус необыкновенный, ни на что не похожий. Будьте смелее — оцените его по достоинству! И маленькая перчинка может добавить вашей жизни остроты!

Я никогда не верила в колдовство, прорицания, силу медиумов и прочую мистику. На мой — весьма и весьма скептический — непредвзятый взгляд все это можно припечатать одним нехорошим словом: шарлатанство.

И тем не менее назвать свою жизнь свободной от всяческих суеверий я бы не смогла, так как сейчас разговаривала с собственной покойной бабушкой.

Урожденная леди Милдред Валтер, в браке — Эверсан, и после смерти сохранила рациональный и в тоже время восторженный взгляд на жизнь, которым славилась смолоду.

— ...Моя милая Гинни, — с той особой, призрачной улыбкой говорила бабушка, покачивая в пальцах любимую курительную трубку. — Не стоит бояться перемен.

Сколько себя помню, старая графиня Эверсан всегда сокращала мое имя только так — до острой, свежей пряности, которую делали из имбирного корня. То, как назвали меня родители в надежде смягчить семейный буйный нрав — Энн, «миловидная», и Виржиния, «непорочная», — категорически не нравилось бабушке. О, она-то знала толк в именах! В коротком и веском «Милдред» сливались воедино «милосердие» и «величие», и я никогда не смогла бы сказать, чего в ней было больше.

— Мы живем в век перемен, дорогая. Не только в быту, да сохранят нас Святые небеса... — трубка дохнула ароматным дымом, в котором почти не ощущался запах табака, — ...но и в душах человеческих. Меняется все вокруг, милая Гинни. Пора бы измениться и тебе.

Казалось, сама комната вокруг обернулась клубами дыма — уже не различить было ни стен, ни потолка. Лишь все так же сминаясь под моими пальцами длинный, мягкий ворс альпийского ковра.

— Что вы имеете в виду?

Женский силуэт в туманных клубах рассмеялся заливисто и хрипловато:

— О, что угодно, Гинни! — скрипнуло кресло-качалка. — Что угодно! Перемены наступают незаметно. Надо лишь приоткрыть дверь — и они войдут в твой дом сами. Новая шляпка, или служанка, или стрижка, или знакомство — кто знает, что послужит ключом?

— Не понимаю вас, бабушка... — растерялась я. — Конечно, я собиралась посетить парикмахера, но...

Комната пошатнулась — и вдруг завертелась, словно колдовская карусель.

— Ах, Гинни, не торопись, когда-нибудь поймешь. Ты еще так юна... Все впереди, моя дорогая... — Голос ее становился глуше и глуше, переходя в старческое бормотание. — Где моя молодость, где мои девятнадцать лет... Ах, Гинни, Гинни...

На глаза навернулись слезы — то ли от табачного дыма, то ли от смутного ощущения тоски.

— Бабушка! — крикнула я... и очнулась.

И, конечно, обнаружила себя не в роскошном особняке Валтеров на Спэрроу-плейс, а на втором этаже кофейного салона «Старое гнездо». В воздухе витал острый запах мятных капель и нашатыря. Тяжелые темно-бежевые шторы были отдернуты, и сквозь широкие окна в комнату лился солнечный свет и свежий весенний ветер.

— Леди Виржиния, наконец-то! — с облегчением воскликнули рядом. — Мы уж боялись, что придется звать доктора Хэмптона.

Я тотчас же узнала говорящую — да и немудрено, после стольких-то лет знакомства.

— Миссис Хат, — откликнулась я, пытаюсь сесть и оглядеться. Голова все еще немного кружилась. Но благодарение святой Роберте Гринтаунской, освободившей женщин от гнета корсетов и прочих ужасов уходящей эпохи, — дышать было легко, и дурнота постепенно сходила на нет. — Что произошло?

— Ах, леди Виржиния, ну и напугали же вы нас! — повторила немолодая кондитерша, промокнув глаза желтым платком. Именно от миссис Хат густой запах мяты исходил сильнее всего — кажется, мое самочувствие и вправду сильно ее обеспокоило. Льняной фартук смялся, из-под белоснежного чепца выбилась седая прядь, а лицо было мокро от слез. — Лишились чувств прямо на лестнице, хорошо, что Георг шел следом и успел вас подхватить! Видно, сильно подкосили вас похороны старой графини Эверсан... — покачала она головой и добавила сердито: — Уж поверьте, госпожа Милдред не хотела, чтобы вы так убивались по ней.

Скажи это кто-нибудь другой, такие слова можно было бы посчитать бестактными. Но уж миссис Хат имела полное право говорить от лица моей бабушки все, что посчитает нужным. Несмотря на различное положение в обществе, леди Милдред и мисс Роуз с юности связывала крепкая женская дружба, какую редко встретишь в нынешние времена.

А начиналась история весьма печально. Моя неутомимая и энергичная бабушка в неполных восемнадцать лет взялась опекать нежный и слабый приютский цветок, Розы Фолк. Тогда это было модно — браться за воспитание детей-сироток и хвастаться в высшем свете своей добродетельностью. Конечно, многие ограничивались пустыми формальностями: передавали приюту деньги да раз в месяц появлялись в обществе вместе с наряженным и умытым по случаю торжественного выхода ребенком. Но леди Валтер никогда не делала что-то лишь наполовину. И поэтому скоро, после оформления надлежащих бумаг, десятилетняя Роуз переехала в особняк на Спэрроу-плейс. В приюте маленькой мисс Фолк приходилось несладко — девочку с мягким характером и чутким сердцем всяк обидеть норовил, и вряд ли бы она дотянула хотя бы до совершеннолетия.

Но под покровительством моей деятельной бабушки, из всех святых больше всего почитавшей Роберту из Гринтауна, Роуз расцвела. Она очень привязалась к своей опекунше — до того, что позднее даже последовала за Милдред и ее мужем, графом Эверсаном, в то самое достопамятное кругосветное путешествие, из которого молодая чета вернулась в ореоле славы и всеобщего поклонения. Именно тогда Милдред на приеме в Квин-Арч получила от самой Катарины Четвертой особое королевское разрешение — ей, графине

Эверсан, *женщине*, дозволено было лично заниматься делами кофейни «Старое гнездо».

Той самой, в которой сейчас стала полноправной хозяйкой я, леди *Виржиния-Энн Эверсан*.

Впрочем, все это лирика и бесплодные размышления о временах давно минувших. Кажется, я действительно позволила себе уйти слишком глубоко в траур по самому дорогому существу в моей жизни — графине *Милдред Эверсан*. Вряд ли когда-нибудь мне встретится человек, который заслужит такие же уважение, восхищение и любовь, какие я к ней испытывала.

— Да, *миссис Хат*, думаю, вы абсолютно правы, — вздохнула я. — *Леди Милдред* часто говорила, что горе и страдания живых не пускают мертвых на небеса.

Пухленькая кондитерша шумно вздохнула и набожно осенила себя священным кругом:

— Да покоится она в мире... Как ваша голова, *леди Виржиния*? Еще кружится?

Я встала и сделала шаг. Доски под пушистым ковром тихо скрипнули — почти неразличимо для слуха. Как быстро стареют вещи! Подумать только, ведь этот дом был построен во времена бабушкиной молодости, именно для кофейни. Тогда на новеньком фасаде название смотрелось насмешкой — вот оно, знаменитое чувство юмора графини *Эверсан*.

А теперь «Старое гнездо» стало действительно старым.

— Немного кружится, *миссис Хат*, но это скоро пройдет. Мой отец тоже был склонен к обморокам. Да и мать не отличалась крепким здоровьем, — вынужденно признала я и добавила по привычке: — Да покоятся они в мире...

— Слишком много разговоров о покойниках сегодня, *леди Виржиния*, — вздохнула кондитерша, и ее пальцы вновь очертили круг. — Не к добру это. Может, спуститесь в зал и выпьете кофе? До открытия далеко.

Я осторожно одернула платье. Юбки немного замялись, но, увы, на то, чтобы переодеться в другой наряд, уже не оставалось времени.

— До полудня, конечно, далеко, но у меня есть и другие дела, — покачала я с сомнением головой. — Надо сперва зайти к парикмахеру, потом напомнить управляющему, чтобы он отправил письмо *Хаммерсонам*. Если арендную плату за ферму задержат еще на месяц, боюсь, нам придется расторгнуть соглашение. Да и кофе не слишком полезен для моего слабого сердца... Где шляпка с вуалью?

— Владелица кофейни, которая сама никогда не пьет кофе! Расскажешь кому — и не поверят, — улыбнулась *миссис Хат*, подавая мне черную широкополую шляпку. Семидесятидневный траур по покойной графине я уже растянула вдвое и не собиралась пока прекращать, хотя некоторые знакомые начали снисходительно поглядывать на меня.

Пусть. *Леди Милдред* была достойна даже большего, чем четыре с половиной месяца траура.

— Не вздумайте раскрывать мои секреты, — шутливо пригрозила я кондитерше, закрепляя шляпку шпильками. Ох, уж эта мода... — Боюсь, для общества столь неожиданное развенчание представлений об обычных хозяйках кофейен станет слишком сильным ударом. Где шаль, *миссис Хат*?

— Внизу, на кресле, я думаю. Не лучше ли спросить *Мадлен*? *Мэдди*, ласточка моя, где шаль *леди Виржинии*? — крикнула кондитерша в коридор, приоткрыв двери.

Внизу что-то упало, а потом дробно застучали каблучки.

— Не стоило ее отвлекать, — только вздохнула я и, поправив шляпку в последний раз,

быстро вышла из комнаты. — Внимания Мэдди, увы, хватает только на что-то одно... Боюсь, очередной чашке конец.

Что правда, то правда — посуды по вине нашей маленькой актрисы было попорчено немало. Но тем не менее Мадлен была совершенно замечательной девушкой — старательной, веселой, живой. Бронзовые кудряшки вечно плясали вокруг лица, колоколом вздувалась от бега коричневая юбка. Мэдди часто смеялась... но беззвучно. К нам, в кофейню, она попала уже немой, общалась только знаками, хотя грамоту — удивительно для девушки ее происхождения — знала преотлично и вдобавок умела писать красивым, округлым почерком.

Нам почти ничего не было известно о прошлом Мадлен, кроме того, что она приехала в Бромли, столицу, два года назад в надежде стать актрисой. Устроилась в одну из бромлинских трупп и вроде бы даже имела успех, но тут судьба окончательно отвернулась от нее. В одну из ночей после премьеры театр вспыхнул как спичка, а Мэдди нашли в подсобке, в подвале, избитую до неузнаваемости и со странными ожогами на ногах и на спине.

Тогда же у нее пропал и голос.

Впрочем, сейчас Мадлен уже нисколько не сожалела о своей несостоявшейся сценической карьере и была вполне довольна местом разносчицы в одном из самых дорогих и элитарных кофейных салонов Бромли.

Мэдди встретила меня на нижней ступеньке и со старомодным реверансом протянула шаль — черную, как сажа. У меня были и цветные шелковые платки по последней моде, и подобающие благородной даме пелерины, однако для прогулок по городу я предпочитала именно простую шаль, чтобы не выделяться из толпы. А «хождение в народ» — именно то, чего всегда ожидали в свете от леди Милдред Эверсан и ее потомков.

— Спасибо, дорогая, — поблагодарила я девушку, и та расцвела улыбкой. — Георг здесь?

Мадлен на мгновение задумалась, а потом мотнула головой. Рыжие пружинки волос прыгнули из стороны в сторону, чиркнув по белой коже.

— Он вышел на улицу? — уточнила я. Девушка энергично кивнула. — Зачем?

Бледные, как у всех рыженьких, руки Мадлен птицами взлетели, очерчивая в воздухе странную вытянутую фигуру, указали за меня, а потом одна ладошка прижалась ко лбу, и Мэдди чуть откинулась назад. Живые карие глаза весело сверкали из-под ресниц. Кажется, все происходящее ее немало забавляло.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы разгадать пантомиму — за последний год я уже порядком поднатрела в расшифровке подобных представлений. Да и артистическим талантом небеса Мадлен не обделили. Если бы не печальное недоразумение, наверняка через пару лет весть о новой звезде театра облетела бы весь Бромли.

— Значит, Георг отправился на Спэрроу-плейс за лекарством для меня? — Мадлен хлопнула в ладоши и беззвучно рассмеялась, как всегда бурно радуясь моей догадливости. — Вот неприятность, я хотела с ним поговорить перед тем, как идти к парикмахеру... А времени дожидаться его возвращения уже нет. Поступим так, дорогая. — Я отступила к вешалке, собирая необходимые мелочи — зонтик-трость и скромную дамскую сумочку, в которой помещались только чековая книжка, батистовый платок и флакончик с нюхательной солью. — Когда Георг вернется, ты отдашь ему вот это, — из сумочки на свет божий был извлечен немного смятый лист бумаги. — Если управляющий, мистер Спенсер, появится в мое отсутствие, то пусть Георг напомнит ему о Хаммерсонах. О закупках специй из Восточного Бхарата мы поговорим позднее, благо намечается хорошая сделка с какао-зернами из Колони. Выкупим партию напрямую у поставщика. Таким образом получится

экономить достаточно средств для...

Брови Мадлен задирались все выше и выше, пока девушка, не выдержав, не расхихикалась, прикрывая лицо письмом. Я с неудовольствием прервала свои размышления и, перекинув ручку трости через локоть, толкнула дверь.

Звякнули колокольчики.

— Всего хорошего, Мадлен. Полагаюсь на тебя! — Я в последний раз оправила шаль на плечах и шагнула на улицу.

— Леди Виржиния, уже уходите? Погодите, отлежитесь! — Каблуки миссис Хат тяжело застучали по лестнице. — Поберегите себя!

— Все в порядке! — крикнула я, обернувшись и наклонившись над порогом. Мадлен, пританцовывая, обходила прилавок, чтобы дождаться Георга на кухне — наверняка он вернулся бы через черный ход. Кондитерша остановилась на полпути вниз, теребя в руках канареечно-желтый платок. — Не беспокойтесь обо мне, — махнула я рукой на прощание, вышла на улицу и заметила вполголоса: — Право же, слишком много волнений из-за простого обморока.

Весна в Бромли — это не только пение птиц и молодые зеленые листочки, но, увы, еще и грязь под ногами. «Город тысячи кэбов», к несчастью, слишком медленно превращался в город трамваев, редких пока автомобилей и метро. Лошади по-прежнему бодро тянули экипажи по мостовым. Весной, во время затяжных дождей, мешались в скользкую массу сено, земля и отходы. Здесь, в фешенебельном районе Вест-хилл, подметальщики кое-как справлялись со своей работой, но внизу, в бедных кварталах, весной и осенью начинался сущий ад.

Впрочем, в промышленных районах приятного было мало круглый год — летом от заводской гари не продохнуть, а зимой едкий туман пробирал до костей.

Мой же путь лежал на другой конец города, в Ист-хилл, где располагались торговые кварталы, ипподром, театры и храмы. Быстрее всего было бы добраться до парикмахерской на автомобиле, но, к сожалению, я пока не нашла замену старому водителю Чейзу, уволенному месяц назад за злоупотребление элем. Да и доверия к этим «электрическим повозкам», появившимся на свет в один день со мной, я не испытывала. Уж лучше старый добрый омнибус. Сегодня погода побаловала бромлинцев солнышком, так что поездка на империале обещала доставить немалое удовольствие.

Металлический наконечник трости бойко цокал по мостовой в такт размашистым шагам — с моей «мужской» манерой ходить не могли сладить даже туфли на каблуке. Для любой другой леди это стало бы существенным недостатком, но мне, внучке «той самой графини Эверсан», дозволено было чуть больше, чем остальным. Увы, не так много, чтобы позволить себе носить в повседневности брюки, как это делали особенно смелые модницы с материка, но уже достаточно, чтобы смотреть на светских приемах собеседнику прямо в глаза, а не прятать взгляд за вуалью, и говорить именно то, что думаешь.

— Доброе утро, леди Виржиния! — окликнул меня на углу улицы сосед и постоянный поставщик фруктов для десертов, мистер Рой Салливан. — Опять с самого раннего утра — и по делам?

— На сей раз по личным, — улыбнулась я в ответ, вежливо склоняя голову. Этот немудреный знак внимания заставил Роя, грубоватого высокого мужчину в вечно мятом костюме, зардеться от удовольствия. Еще бы, беседовать так запросто с графиней! Мне-то эти разговоры большого труда не стоили, зато позволяли получить довольно внушительную

скидку на самые свежие товары. — Однако надеюсь успеть вернуться к полудню и открыть кофейню в обычное время. Вы не обратили внимания, давно ли проезжал омнибус?

— Да с четверть часа назад... — Рой совершенно по-плебейски почесал рыжий затылок пятерней и тут же себя одернул, неловко скрещивая руки на груди. — Да вот же, следующий идет! Как бы мимо не проехал... Ну, не переживайте, леди Виржиния, я его остановлю.

Одарив мистера Салливана очередной вежливой улыбкой, я получила в награду омнибус, помощь при посадке и добрые пожелания напоследок:

— Удачного пути!

— Благодарю, мистер Салливан! До встречи!

Тренькнул звоночек, и омнибус покотил с горы к мосту через реку Эйвон.

Откровенно говоря, я не очень любила поездки на империале. Встречный поток воздуха трепал вуаль и задувал в уши, в прохладную погоду так и вовсе можно было простудиться... Но погожим весенним деньком, таким, как этот, в ранний час второй этаж омнибуса превращался в прекрасную обзорную площадку. Лошадиные копыта гулко перестукивали по мостовой, веял свежий ветер с разлившейся реки — свежий, но с еле заметной примесью запаха гнили. Народу на сиденьях пока было немного — пара девушек из достаточно приличных семей, судя по виду платьев, пожилой джентльмен в старомодном цилиндре с белой лентой и человек неопределенного возраста и занятий в потрепанном пальто. С недавних пор, когда стоимость билета резко упала с шести до двух рейнов, небогатые горожане стали чаще пользоваться омнибусами, и теперь в салоне и на империале можно было увидеть весьма разношерстную публику.

Впрочем, люди меня мало интересовали. А вот города... Наверное, это что-то наследственное. Леди Милдред могла часами говорить о городах, в которых побывала, о чужих землях...

Я же в свои неполных двадцать лет видела только Бромли и ближайшие его окрестности. И именно столице доставалось все мое восхищение. Сердце было покорено ею — раз и навсегда.

Думаю, с высоты Бромли напоминал миску с загнутыми краями. Восточные и западные холмы смыкались вокруг города кольцом. Здесь, на возвышенности, располагались респектабельные кварталы. В Ист-хилл была сконцентрирована духовная жизнь: театры и музеи, галереи и библиотеки, магазины, салоны, а самое главное — храм Святого Игнатия, покровителя города. Ближе к окраинам, близ Дэйзи-Раунд, уместился на пустыре ипподром.

Дома зажиточных бромлинцев рассыпались по Вест-хилл. Также здесь располагались лучшие кафе и кондитерские в столице. Цены за деликатесные сладости ломили немереные, но, как правило, это того стоило. За витринами из цветного стекла можно было найти все что угодно — от тягучих медовых конфет с Востока до воздушных пирожных, приготовленных руками поваров, выписанных с самого материка. Конкуренция, что и говорить, кипела нешуточная, но, слава святой Роберте и моей бабушке, «Старое гнездо» всегда оставалось на ступень выше.

Еще бы — ведь только к нам заглядывали порой на чашечку кофе, сваренного по какому-нибудь хитрому рецепту, аристократы, члены парламента, а порою — уже четырежды за всю историю кофейни — даже Его Величество. По моему мнению, сомнительная привилегия, ведь хлопот каждый раз от подготовки к «королевским» вечерам — да помилуют небеса!.. Но в глазах общества визиты венценосной особы поднимали престиж заведения на недостижимую высоту.

Ист-хилл и Вест-хилл были как золотые края по каемке бромлинского «блюдца»... Но само его содержимое оставляло желать лучшего.

В низине в центре города скопились бедные кварталы — неряшливые жилые дома с закопченными стенами, заводы и фабрики, грошовой кабаки и самые отвратительные притоны... Но о последних леди вроде меня, разумеется, знать было не положено. Единственное, что, на мой взгляд, оправдывало существование Смоки Халлоу — это мост через Эйвон.

Именно через него мы сейчас и переправлялись.

Солнце уже угнездились высоко в небе — бледно-желтый сияющий шар. Над городом начала вновь скапливаться серая дымка, из-за которой Бромли называли иногда «Большой коптильней». Мусора и пятен горючего с высоты, в сиянии отраженных солнечных лучей, видно не было, и поэтому речная гладь казалась выплавленной из блестящей голубоватой стали. Справа, за едва оперившимися зеленой листвой деревьями, чернели высокие фабричные трубы. Слева, на оставшемся далеко позади берегу сгрудились бедняцкие домишки с развешанным на крышах цветастым бельем и убогими чахлыми геранями на окнах. Мост взмывал на мощных опорах высоко в небо, а потом плавно опускался по дуге. На материке «Горб Эйвона» почитали за чудо света, и в многочисленных научных трудах доказывалась сама невозможность его существования. Однако мост уже пятьдесят лет стоял себе и, образно выражаясь, плевать хотел свысока на все окрики недоверчивых.

Под уклон омнибус покатился веселее. Спустя четверть часа река осталась позади, и мы вплотную приблизились к Ист-хилл. Мне, к сожалению, нужно было сойти чуточку раньше, чтобы попасть на Барбер-лейн. Здесь и располагался любимый мною парикмахерский салон — одно из немногих мест, где леди с моим положением в обществе могла сделать стрижку за весьма умеренную цену. В «Локоне Акваны» трудились лучшие мастера своего дела, способные при помощи одних только ножниц сотворить настоящее произведение искусства. К сожалению, умельцы, работающие под началом мистера Паттерсона, никогда не выезжали к клиенту на дом — и в этом было особое очарование салона.

Выходя из омнибуса, я немного отвлеклась и наступила на подол платья немолодой женщины — явно обитательницы не самых благополучных районов, если не трущоб. Типичная джипси — закутанная в десяток разноцветных шалей, с тяжелыми золотыми кольцами в ушах, с корзинкой, полной мелочей, на локте, загорелая и с невымытыми темными волосами.

— Смотри, куда прешь, ворона черная! — разразилась она хриплой бранью. — Раз сама вся из себя франтиха — и по сторонам глядеть не надо, что ли?

— Простите, — сдержанно извинилась я, отступая с разошедшегося по шву подола. Ну и ветхая же ткань... Может, ссудить бедную женщину монеткой-другой? Хм... наличных денег я с собой не взяла, а с чеком в приличный банк такую особу не пропустят. — Не заметила.

— Пряма такая я неприметная! — фыркнула джипси, одергивая драную юбку, и наградила меня жгучим взглядом, не предвещающим ничего хорошего. — Вон, платье изодрала! У-у, так бы и врезала! Что люди скажут — Зельда-гадалка, как попрошайка, в рвань ходит?

— А вы меньше слушайте, что говорят, — посоветовала я, ускоряя шаг. Зонтик-трость застучал по мостовой сердито. Заводилась я быстро — фамильный нрав Валтеров. Тем более шантажисты мне не нравились никогда, а беседа скатывалась именно к вымогательству — это, простите за каламбур, и к гадалке не ходи. — Простите, я спешу.

Джипси сплонула на землю и забежала на дорогу вперед меня, преграждая дорогу.

— Э, нет, птичка моя, — уперла она руки в бока и сощурилась. — Никуда ты не полетишь, покудова не ссудишь мне хайрейн-другой на новые юбки. И лучше по-хорошему.

А вот это мне пришлось уже совсем не по нутру. Я откинула назад вуаль и пристально заглянула в лицо попрошайке. Женщина, не ожидавшая отпора, отступила на шаг назад — фамильный «ледяной» взгляд Валтеров, печально известный не меньше, чем наш тяжелый характер, с моими светло-серыми глазами производил особенно сильное впечатление.

— Шли бы вы подобру-поздорову, милочка, — просто посоветовала я, перекладывая из левой руки в правую трость. — Пока стражи порядка не заинтересовались случаем восхитительно наглого вымогательства. Полагаю, вам в каталажке, — произнесла я вульгарное слово со вкусом, — часто приходится бывать, почти дом родной — иначе чего бы так стремиться опять туда загреметь?

Женщина нахмурилась, от чего ее лицо избородили глубокие морщины... и молча отступила. Я опустила вуаль и с достоинством направилась в сторону Барбер-лейн, до которой оставалась какая-то сотня шагов.

— Грубить-то при силе всякий может, — долетело мне в спину злобное. — А ты попробуй погруби, когда кто-то посильней окажется. Исплачешься скоро, стерва благородная — это тебе я, Зельда-гадалка, говорю.

— Да хоть сама покойная королева, — буркнула я себе под нос и пошла своей дорогой, выбрасывая из головы досадное происшествие. Какие только одиозные личности не забредают иногда в Ист-хилл из бедных кварталов — порой диву даешься! И куда смотрят в Городском управлении спокойствия — непонятно.

К счастью, до Барбер-лейн было рукой подать, и времени на раздумья не осталось. Хозяин парикмахерской, мистер Паттерсон, встретил меня у дверей, услужливо улыбаясь. Элегантная короткая стрижка и манеры аристократа, как правило, производили на клиентов неизгладимое впечатление. Но уж я-то знала, что благородно седые волосы были... париком, не больше и не меньше, а тщательно выглаженные костюмы из дорогушей на вид ткани в серо-зеленую полоску выкупались у светских модников за сущую мелочь.

— Доброе утро, леди Виржиния. Погода великолепная, в самый раз для новой стрижки, — с поклоном пропустил он меня в салон.

— Да, солнце сегодня удивительно яркое для весны, — вежливо ответила я, улыбаясь. Зонтик и сумочка почти мгновенно испарились из моих рук, как и шаль с плеч — обслуживание в «Локоне Акваны» оставалось на высоте. За сохранность вещей можно было не волноваться, что являлось несомненным достоинством по нынешним временам. — Мисс Тайлер не возражала против столь раннего часа для стрижки? Увы, вечерами кофейня требует полного внимания...

На мгновение на лице мистера Паттерсона проступило смущение.

— О, леди Виржиния, совсем забыл предупредить вас... Мисс Тайлер попала в больницу на днях и не сможет вас обслужить. Но я готов предложить кандидатуру...

— Надеюсь, с ней все в порядке? — мягко вклинилась я в поток слащавых речей. Эвани Тайлер, милая женщина и замечательный мастер своего дела, вызывала у меня самую теплую симпатию. Мы отчасти были даже похожи: оттенком волос цвета темного кофе, светлыми глазами и деловым подходом к жизни. — Могу я чем-то помочь ей? Скажем, походатайствовать о встрече с докторами из госпиталя Святой Луизы или ссудить деньгами?

Во взгляде Паттерсона промелькнула тень зависти. Этот делец прекрасно понимал, что

ради него самого я бы не стала поднимать свои связи.

— Не извольте беспокоиться, с мисс Тайлер все в порядке, — ответил он с заминкой. — Просто несчастный случай — у самого салона на нее напали грабители. Однако служители Управления спокойствия вовремя спугнули преступников, и мисс Тайлер отделалась всего лишь легкой ножевой раной. Ничего особенного, поверьте. А вами займется один из лучших наших мастеров, мистер Халински, — поспешно добавил хозяин, увидев, как я нахмурилась. Только с причиной расстройства не угадал — слова «ножевая рана» заставили меня вновь начать волноваться за состояние парикмахерши. Надо будет непременно разузнать, что к чему. — Прошу, проходите в этот кабинет. Вас уже ждут.

— Вы так любезны, мистер Паттерсон, — расцвела я улыбкой. Традиции требовали поблагодарить лично встретившего меня и позаботившегося о замене владельца салона. — Право же, не зря «Локон Акваны» считают элитарным заведением. Столько внимания каждому клиенту!

— Вы слишком добры, леди, — польщено откликнулся Паттерсон. — Это вы оказываете нам честь своим визитом.

Он услужливо распахнул передо мною дверь кабинета. Повеяло душистыми и сладкими запахами — лосьоны, шампуни, маски для укрепления волос, а также едва различимый запах масла и металла от ножниц и бритв всех форм и размеров.

— Теперь — умолкаю и оставляю вас в руках мастера, — с галантным поклоном отступил хозяин.

— Благодарю за заботу, — кивнула я и вошла.

Пожалуй, о здоровье мисс Тэйлор лучше расспросить ее мать, а не работодателя, благо адрес парикмахерши записан в мой деловой альбом. Обязательно пошлю кого-нибудь из слуг, когда вернусь домой.

— Леди Виржиния? — кашлянули у меня над ухом. — Прошу, не стойте у дверей. Проходите. Садитесь в кресло. Позвольте вашу шляпку.

От неожиданности я вздрогнула и резко повернулась в сторону, инстинктивно пытаюсь нашарить рядом с собою привычный зонтик-трость. Уж больно чудным был голос у незнакомца — хриловатый, но при этом довольно высокий, с отчетливым акцентом.

Да и внешность мастера заслуживала самого внимательного рассмотрения.

Мистер Халински был очень высок — на целых полторы головы выше даже меня. Метра два, не меньше! Кроме того, куафер был тощ, как жердь, обладал довольно смуглой кожей для нашего туманного полуострова и темными глазами южанина. Бородка и усы его имели вид ухоженный — напomaженные, черные до того, что сразу становилось ясно — крашенные, как, впрочем, и завитые волосы.

И, кроме всего прочего, мистер Халински, как и я, носил траур.

— Позвольте вашу шляпку. Леди, — отрывисто повторил он и располагающе улыбнулся. Я сообразила, что разглядываю мастера уже неподобающе долгое время.

Как, впрочем, и он меня.

— О, простите. Задумалась немного. — Стремясь загладить неловкость, я быстро шагнула к креслу и присела, тщательно расправив юбки. — Приношу извинения мое любопытство, но вы ведь родом не из этих земель? Наверное, вам надоели подобные расспросы...

— Ничего. Я привык. Здесь мало уроженцев Рومании. Так?

Ловкие пальцы парикмахера быстро избавили меня от шляпки и пристроили ее на

манекене. Рядом, в фарфоровое блюдо, Халински ссыпал серебряные шпильки. Так же ловко он распустил и сложный пучок на затылке, и волосы тяжелой атласной волной заструились по спине. Честно говоря, длинные локоны мне не нравились — слишком много с ними хлопот. Если бы не траур, я бы предпочла короткую стрижку, одну из модных сейчас — «адмиральское каре» или «вороньи перья». Многие дамы в высшем свете сейчас щеголяли такими. А баронесса Вайтберри и вовсе постриглась в мальчишеском стиле.

И, заметить по справедливости, то ей это шло необыкновенно.

— Давно ли вы переехали в наши благословенные края?

Я не была сторонницей задушевных бесед со слугами, но этот южанин меня заинтересовал — политика государства лишь недавно, каких-то два десятка лет назад, позволила иноземцам получать нормальную работу и образование.

— Семь лет назад. Около восьми. Моя жена была аксонкой, леди.

О, так значит, он женился на аксонке и, вероятно, таким образом стал подданным империи. Интересно. Но теперь понятно, как Халински заполучил место парикмахера в таком заведении, как «Локон Акваны».

Погодите. *Была?*

И впрямь, многовато воспоминаний о покойниках для одного дня.

— А... ваша супруга...

— Скончалась, леди.

— Соболезную, мистер Халински, — от души посочувствовала я. — Прошу прощения, что потревожила... память о вашей утрате.

— Не извиняйтесь так часто, леди. — Увлажненная щетка прошла по волосам. — За год я почти привык к мысли, что моей Элизабет больше нет. Увы. Но вспоминаю ее часто. Мне кажется, что Элизабет меня ждет на небесах.

Локоны ощутимо потяжелели.

— Вы немного похожи на нее, леди Виржиния. Не считите за грубость. Особенно волосы и глаза. Я всегда обращаю внимание на волосы.

— Учитывая вашу профессию, это неудивительно.

Несколько минут прошли в неловком молчании. Я пожалела, что со мною работает не мисс Тайлер. Ее долгие, зачастую язвительные и излишне политизированные монологи, почти не требующие поддержки от собеседника, неплохо скрашивали скучный процесс стрижки и укладки.

— Не желаете ли отрезать волосы покороче? Вам пойдут «перья», леди. К тому же это сейчас популярная прическа среди дам вашего круга.

— Не думаю, что стоит что-либо менять. Возможно, позже. Пока я в трауре... Просто подровняйте концы и уложите «анцианской раковинкой».

— Как вам будет угодно, леди. Вновь — позвольте выразить восхищение вашими волосами. Они прекрасны.

— Благодарю, мистер Халински.

Работал он гораздо тщательнее мисс Тайлер, бесспорно. Но вот скорость оставляла желать лучшего. Время близилось к полудню. Я начинала беспокоиться.

— Долго ли еще?

— Всего несколько минут, леди. Прошу прощения.

«Несколько минут» растянулись на непозволительно длительный срок. До полудня оставалось не более получаса, когда шляпка с траурной вуалью наконец заняла свое место

чуть сбоку от «раковины». Поблагодарив мастера — довольно сдержанно, сказывалась спешка, — я выписала мистеру Паттерсону чек и направилась к выходу. К счастью, хозяин догадался вызвать мне одно из этих новомодных такси, электромобиль. За счет заведения, разумеется.

Аляповатая конструкция машины и тряска на жестком сиденье не прибавили хорошего настроения. Но зато водитель оказался настоящим лихачом и умудрился доставить меня к кофейне всего лишь с небольшим опозданием, срезав путь через бедняцкие кварталы на левом берегу Эйвона. Кажется, будущее было все-таки за автомобилями. Только поскорей бы таксомоторы сделали более комфортными для пассажиров — хотя бы благородного сословия.

Впрочем, легче все-таки найти водителя для своей собственной машины. На днях непременно отправлю запрос в агентство.

В «Старое гнездо» я вошла через черный ход, будто служанка, и сразу же отправилась на кухню, к Георгу.

Там бурлила работа — в буквальном смысле.

Разогревался в котелке над очагом шоколад. В печи доходили до готовности кексы. Над джемом, выставленным к окну для охлаждения, поднимался ароматный пар. А сам Георг сосредоточенно взбивал сливки.

— Подменяете миссис Хат? — обратилась я к повару... Впрочем, называть Георга небрежным словом «повар» было бы некрасиво. — А кто общается с посетителями — Мэдди?

Георг был душой «Старого гнезда». И, разумеется, прекрасным мастером.

Когда-то он отправился в кругосветное путешествие с молодой четой Эверсан, будучи еще помощником кондитера в доме Валтеров. Георг Белкрафт, Роуз Фолк и Малкольм Хат стали не только простыми слугами для Милдред и Фредерика, но верными друзьями и спутниками. После года странствий, изучив культуры и традиции множества чужих государств, перепробовав кофе и сладости со всех уголков мира, Георг вернулся знатоком своего дела. Да таким, что к нему, семнадцатилетнему юноше, обращались за уроками мэтры кулинарии в Бромли.

Но Георг хранил верность Эверсанам — и «Старому гнезду». За сорок лет безупречной работы ни одного рецепта не вышло за пределы маленькой кухни на авеню Роул. Поговаривали, что леди Милдред готова была оставить кофейню именно Георгу. Но когда огласили завещание, в очереди наследников он был всего лишь вторым — сразу после меня.

— Да, леди Виржиния, — с отечески заботливыми интонациями ответил Георг на оба вопроса. — Все в порядке, не беспокойтесь. Пока еще не было ни одного посетителя.

Удивительно, как улыбка преображала его мрачное лицо. Говорят, что в юности он был невероятно красив: черные, как смоль, волосы, хищный орлиный нос, глубоко посаженные глаза цвета темного дерева и смуглая, почти как у южан, кожа. Но, несмотря на успех у романтических девиц, Георг так и не женился. Возможно, оттого что был влюблен — увы, без надежды на взаимность! — в Розе Фолк...

Позднее — миссис Хат.

Сейчас же страстный юноша превратился в вечно угрюмого старика... Ну, это для тех, кто не знал его лично. Внутри мистер Белкрафт оставался таким же добрым и отзывчивым человеком. Разве что наивности и восторженности у него изрядно поубавилось.

— Кто бы говорил. — Я небрежно прислонила зонтик-трость к креслу и бросила сумочку на сиденье. — Слишком много хлопот было утром из-за простого обморока.

— Видели бы вы себя со стороны, леди Виржиния, — укорил меня он, не прекращая возиться с десертом. — Ходите бледная до синяков, уже четыре месяца траур не снимаете, что ни день — то сознания лишаетесь, да и сердце не бережете...

— Глупости, — возмутилась я. — Бледность — это наследственное. Все Валтеры были белокожими. А что касается траура, Георг... вы должны понимать, что это не только цвет одежды.

— Я-то прекрасно это понимаю... но, леди Виржиния, ей-богу — вам бы сейчас пошла на пользу встряска. — В сердцах он слишком сильно взмахнул венчиком, и воздушные капельки сливок оросили стену и стол. Я поморщилась. — Съездили бы на курорт, на те же минеральные воды... Или хотя бы в театр сходили!

Конечно, леди не подобает заниматься уборкой... Но я слишком трепетно относилась к порядку. И поэтому, порадовавшись моде на узкие рукава, подхватила полотенце и тщательно вытерла брызги.

Георг, однако, продолжал смотреть на меня неодобрительно. У него это выходило весьма внушительно: из-под косматых бровей, сжимая в ниточку губы, слегка наклонив крупную голову. На мгновение мне даже действительно стало стыдно. Всем своим видом он будто говорил мне: «Нельзя так небрежно относиться к себе!»

— Что ж, удачи вам. День будет долгий. — Сложив полотенце вчетверо, я механически провернула на пальце тяжелое бабушкино кольцо — цветок розы из черненого серебра, усыпанный маленькими опаловыми «росинками», — и решительно направилась в зал, исполнять обязанности хозяйки.

В «Старое гнездо» приходили, как в гости. Большая часть клиентов, кроме постоянных, загодя направляла письма-уведомления, на которые лично я — или Мадлен под мою диктовку — составляла ответы с согласием и указанием даты, когда мы могли принять посетителя. К сожалению, необходимая мера, учитывая то, что мест в зале было всего три дюжины. Визит в «Старое гнездо» сильно бил по карману — наши цены считались заоблачными даже по меркам шикающего Бромли.

И не удивительно. Даже если не считать колоссальных затрат на лучшие специи, кофе и какао, если позабыть о весьма и весьма неплохих жалованьях для Георга, Мэдди и Роуз... Деньги с посетителей можно было брать за сам дух этого заведения. Второго такого не только во всем Бромли не сыскать, но и в целой Империи!

Каждый столик оформлен в индивидуальном, уникальном стиле, не важно, для «гостиной» или для одного из «кабинетов». Скатерти — только из тончайшего кружева и бхартских тканей разных цветов. По стенам вместо картин — коллажи из осенних листьев, засушенных веток, трав и цветов. Освещение — старинное, лампы из дорогого анцианского стекла и полированной меди, ароматические свечи...

У нас никогда не играли музыку живые артисты, лишь изредка я заводила граммофон. И эта тишина, наполненная запахами кофе, корицы, ванили и миндаля, тоже виделась посетителям особой чертой, эдаким «знаком отличия» нашей кофейни от всех прочих заведений.

И, разумеется, сердцем «Старого гнезда» была радушная хозяйка этого великолепного дома — графиня Эверсан. Раньше — Милдред. Теперь — Виржиния-Энн.

То есть я.

Развлечь беседой, принять заказ, расспросить о проблемах, а для особенно дорогих гостей — сварить кофе лично и самой отнести его за столик, составив компанию или,

наоборот, обеспечив уединение... Надо сказать, что все это я делала с огромным удовольствием. Частенько люди приходили в кофейню грустными и подавленными, а уходили в замечательном расположении духа. Кто угодно повеселеет, если почувствует, что ему рады.

Случайных посетителей здесь почти не бывало. Но даже среди постоянных гостей иногда попадались такие прелюбопытные личности. Как, например, Эрвин Калле, самый известный художник современности. Причем известный не столько своими картинами, сколько...

— Добрый день, мистер Калле. О, а эта прекрасная юная леди рядом с вами — неужели...

— Да, моя новая вдохновительница, — жеманно улыбнулся художник. Имея от природы весьма неприметную внешность — средний рост, правильные, но мелковатые черты лица, волосы невнятного русого оттенка, Калле всю потакал своей склонности к эпатажу. Первым и любимым способом взбудоражить общество для него было устроить у себя на голове какое-нибудь безобразие — малинового, синего, салатного цвета... И где только краски брал — не иначе в своей мастерской.

А вторым — завести новую любовницу.

— Счастлив представить вам мисс Анну Брумсток. Даму моего сердца... на этой неделе.

Смущенная, краснеющая от цинизма слов, еще более очевидного от манерных интонаций, девушка терзала в руках дешевенькую сумочку. Кажется, Эрвин опять выбрал себе в пассии простую горожанку — на этот раз светловолосую и высокую. Интересно, знает ли она о репутации художника? А если знает, то почему составляет ему компанию? На легкомысленную вертихвостку мисс Анна вовсе не была похожа — скорее, на единственную дочку какого-нибудь богобоязненного лавочника.

— Рада видеть вас в «Старом гнезде», — с искренней теплотой улыбнулась я парочке, немного жалея бедную девчушку. Кажется, ей едва шестнадцать минуло... И сразу попасть в ловкие руки Эрвина! Впрочем, возможно Анне повезло — художник всегда был до крайности щедр со своими любовницами. И не о деньгах речь — о внимании, переходящем почти в поклонение. За внешним цинизмом Эрвина прятался океан страстей — каждую свою «даму сердца» он любил всей душой, при этом прекрасно отдавая себе отчет, что чувства его быстротечны. — Мистер Калле...

— Сколько раз я просил вас звать меня просто Эрвином...

— Эрвин, вам — как обычно или предпочтете сегодня попробовать что-то новое?

— У меня достаточно свежих впечатлений, — подмигнул мне голубоглазый художник и галантно склонился над ладошкой своей спутницы. От едва ощутимого прикосновения губ девица вспыхнула и стыдливо потупилась. Думаю, она разрывалась между двумя желаниями — отдернуть руку... и самой наклониться к устам возлюбленного. — Так что — как обычно. Буду благодарен вам за кофе с лимоном и льдом, леди Эверсан, а для моей милой — что-нибудь горячее, сладкое и похожее на меня, — кокетливо закончил он, поправляя пальцами выбившуюся прядь — на сей раз снежно-белую.

— Думаю, «Ванильный соблазн» со взбитыми сливками вам подойдет, мисс Брумсток, — улыбнулась я, подтрунивая над обоими — и над слащавым художником, и над его подругой. — Прошу, присаживайтесь.

Эрвин улыбнулся, послал мне веселый взгляд из-под приопущенных ресниц — и вместе с Анной отправился в «кабинет» — так называли в кофейне отдельный столик за ширмой.

Когда Мадлен приносила заказ, я позволила себе прогуляться вместе с нею к художнику — и немного пошалить, спросив шепотом:

— А где ваша прежняя дама сердца, Эрвин?

На что художник совершенно серьезно и так же тихо — не приведи небеса, Анна услышит, — ответил мне:

— А кто ее знает. Делась куда-то... А вы метили на ее место, леди?

Улыбнувшись про себя — люди искусства такие ветреные, а уж Калле и вовсе неисправим, я пожелала паре уютного вечера и вернулась на свое место, к камину.

До вечера время пролетело незаметно. Едва успел выйти жеманный художник со своей наивной подругой, как колокольчики вновь зазвенели, оповещая об очередном госте. На сей раз это оказался Артур Томпсон с супругой и прелестной маленькой дочерью. Они сели в общем зале и заказали по чашечке самого простого кофе и целое блюдо всевозможных сластей.

Минуло четыре пополудни — и постепенно «Старое гнездо» начало заполняться. Публика сегодня подобралась на редкость разношерстная — журналист, поэтесса с мужем, несколько представителей знатных фамилий, владелец самой большой мануфактуры в городе... И все как один выбрали именно общий зал. Через некоторое время не без моей помощи завязалась непринужденная беседа сначала между двумя ближайшими столиками, потом в обсуждение включились соседние... Благо постоянные клиенты уже давным-давно успели перезнакомиться между собою и порой встречались даже за стенами кофейни. Ну, а когда речь зашла о последних новостях, то многие попросту пересели за общий стол в центре, а уж прислушивались к разговору так точно все.

— ...пожар на Роук-стрит, вы слышали? В газетах пишут, что в тюрьме обрушилась целая стена и заключенные разбежались по городу! Как чумные крысы! — экспрессивно жестикулировала поэтесса. В пальцах был зажат мундштук с погашенной сигаретой — курить в моей кофейне было не принято, но отделаться от привычки держать табак поблизости Эмили Скаровски никак не могла. — Бромли скоро захлебнется в преступлениях, помяните мое слово!

— Ну, дорогая, я не думаю, что... — начал было ее супруг, но умолк под насмешливым взглядом журналиста.

— Возможно, миссис Скаровски и права, — заметил с нарочитой небрежностью Луи ла Рон. Под этим звучным псевдонимом его знала вся столица, но вот раскрыть настоящее имя этого ловца сенсаций не представлялось возможным, будь ты даже настоящий детектив. — И дело вовсе не в количестве сбежавших преступников. Говорят, их всего-то десяток проскользнул на свободу. На наш многотысячный Бромли — капля в море. Но вот кое-кому может прийти в голову идея, что его проступок спишут на сбежавших заключенных, — загадочно закончил он, поглядывая на собеседников поверх очков. Я совершенно точно знала, что стекла в них простые и Луи носит их, только чтоб придать серьезности своему образу.

— Полагаете, нам следует быть осторожнее? — взволнованно переспросил Гарольд Арч, младший сын полковника Петера Арча.

— Осторожность никогда не помешает, — пожала я плечами. — Даже в самое мирное время всегда есть место досадным случайностям.

— А еще говорят, что от судьбы не уйдешь, — добавил свое веское слово в беседу сам полковник.

И разговор обратился к возвышенным материям, столь бесполезным, сколь и

любопытным.

За час до полуночи, проводив за порог последнего гостя, мы начали постепенно готовить кофейню к завтрашнему дню. Вечером, среди своих, разница в происхождении исчезала, и я протирала полотенцем столы наравне с Мэдди.

Выпив напоследок по чашечке горячего шоколада, чтобы лучше спалось, мы начали расходиться. Первой поскакала по ступенькам Мадлен — на верхний этаж кофейни, который мы целиком переделали под комнаты для молодой девушки. Весьма богатые апартаменты по нашим временам, но будь моя воля, все они — и Георг, и Роуз, и Мадлен поселились бы в особняке Валтеров. Ведь этих троих я могла бы, не покрывив душой, назвать своей семьей.

Но у миссис Хат и Георга давно была своя жизнь, а девочке нравилось жить над кофейней. Мэдди категорически отказывалась спать ниже чем на втором этаже — отчего, никто не знал, а она, конечно, молчала.

Затем отправилась в кэбе к своему уютному домику в Ист-хилл миссис Хат. Остались только мы с Георгом.

— Возьмете кэб, леди Виржиния? — спросил он, когда дверь кофейни закрылась за нами. — Или мне проводить вас? Небезопасно юной леди в одиночестве бродить по ночным улицам, даже если это Вест-хилл.

Я только рассмеялась — немного устало. Ночной воздух слегка взбодрил меня, но здоровая сонливость, налетевшая после большой чашки шоколада, никак не хотела рассеиваться. А ведь мне хотелось еще посмотреть документы по аренде Хаммерсонов перед тем, как лечь спать...

— Не стоит волноваться, Георг. Я и сама прекрасно дойду. Здесь всего-то и надо, что завернуть за угол и пересечь Гарден-стрит. А на Спэрроу-плейс постоянно стоят стражи порядка.

— Не то чтобы я не доверял «гусьям», леди Виржиния, — вздохнул Георг, с забавной серьезностью произнося прозвище служителей Городского управления спокойствия. — Но после всех этих рассказов о сбежавших преступниках...

Я вновь рассмеялась — уже в полный голос.

— Бросьте, Георг. Чем ждать полчаса кэб или заставлять вас делать крюк по пути домой, я лучше ускорю шаг. Здесь двадцать минут ходу — ну что может случиться? Да и бабушка все время ходила по этой улице одна. И я тоже иду не впервые, о чем же беспокоиться?

— Леди Милдред, при всем уважении к ней, была невероятно упряма! И часто делала вещи, совсем не подобающие графине! — в сердцах воскликнул Георг и нахмурился. — Ни к чему вам брать с нее пример. Да и домой она собиралась всегда засветло, не позже восьми. А сейчас уже почти полночь.

— Да, сегодня много было гостей, — вынужденно согласилась я и зевнула.

Спать хотелось невероятно. Кажется, все же стоило вызвать заранее кэб или то новомодное такси-электромобиль и доехать до дома за минуту. В Вест-хилл, а тем более поблизости от Спэрроу-плейс, где стоял дом начальника Управления спокойствия, преступников и медом не заманишь, но все-таки ночь — это ночь. Опасное время. Да и не всегда Георг настаивает. Когда я возвращаюсь в девять, он спокойно отпускает меня — разве что смотрит вслед, пока не скроюсь за углом.

Впрочем, может, следует на этот раз уступить?

— Леди Виржиния... — с укором протянул Георг. — Ваш отец совершенно определенно был бы против того, чтобы графиня Эверсан...

При упоминании отца у меня внутри все мгновенно встало на дыбы. Георг прикусил язык, осознав, что совершил ошибку, но было уже поздно.

— Мистер Белкрафт, я совершенно не желаю сейчас спорить, — строго произнесла я. Глупо, но сейчас даже сама Милдред не заставила бы меня взять Георга в сопровождение или отправиться домой в кэбе. — Иду одна, и точка.

— Леди Виржиния...

— До завтра, Георг, всего вам доброго.

Это могло бы перерасти в некрасивую ссору, но, слава Всевышнему, Георг знал, когда следует остановиться — в отличие от меня. Поэтому он просто качнул головой:

— Поступайте, как знаете, леди Виржиния.

Уверена, что он до последнего провожал меня взглядом и слушал, как стучит по камням мостовой наконечник зонтика-трости.

Иногда я сама себя ненавижу. Особенно в те минуты, когда в глазах кипят злые слезы, а горло пережимает гордость — «Не смей рыдать!». И остается только, как последней дуре, идти вперед с прямой спиной, пряча лицо за темной вуалью, и с яростью вбивать трость в плиты.

Дед... Родители... Бабушка... Кого еще судьба заберет у меня?

Ничего, скоро уже особняк. У входа меня встретит Магда, а там будет и чай с мятными каплями, и успокаивающе пухлая кипа деловых писем, и пара часов, заполненных работой, которая приведет мои нервы в относительный порядок.

...И бабушкин портрет в тяжелой резной раме, с которого молодая, восхитительно прекрасная женщина с волевым лицом станет смотреть на меня укоризненно и мягко:

«Опять плакала, Гинни? Ах, ты еще такая глупенькая, милая моя...»

Улицы были пустынно. В редких окнах горели за ставнями огни. Я уже почти миновала Гарден-стрит с цветущими яблонями и аккуратно подстриженными кустами шиповника. Еще несколько минут — и можно будет перевести дух...

Гулко цокал металлический наконечник, вторя эху моих шагов.

Эху?!

Я развернулась... попыталась развернуться, удивленно оправляя вуаль...

...но в этот момент шею сдавило что-то жесткое. Безвольные пальцы вдавило в горло — и только это меня спасло от перебитой трахеи.

«Удавка», — пронеслось в голове мгновенно.

Ладонь напряглась в тщетной попытке раздвинуть петлю. Перед глазами замелькали алые круги.

Удавку потянуло вверх.

«Ах ты, дрянь!»

Я со злостью махнула кулаком с зажатой тростью за спину... и почувствовала, как бабушкино кольцо цепляется за ткань.

Рукав? Не то!

Еще удар — скользящий, по чужой напряженной кисти.

Затрещала перчатка — кольцо зацепилось. Рывок назад — чтобы серебро впилось в его ладонь.

На миг натяжение ослабло. Крохотный поток воздуха — и эйфория.

Этого хватило только на то, чтобы со всей силы заехать тростью назад и угодить металлической насадкой во что-то мягкое — со всего размаху.

Убийца с шипением выдохнул и отпустил удавку, сгибаясь пополам.

— Ар-рх-х... — просипела я, отползая на коленях в сторону — быстро-быстро, путаясь в складках юбок, отплевываясь от вуали, забывая о пережатых удавкой пальцах...

Четыре невероятно долгих вдоха — и легкие наконец исторгли вместо хрипа крик. Невнятный и бессвязный — но с каждой секундой все более громкий.

— А-а-а! — я закашлялась. — А-а-а!

Вдалеке, на площади, засвистели, затопали стражи порядка.

— А-а-а!

Благословенна будь «гусиная» бессонница!

* * *

— Леди, прошу вас, постарайтесь вспомнить. Хоть что-нибудь — рост, голос. Может, вы заметили, как был одет нападавший?

Вместо Магды — упрямый начальник Управления. Вместо старинного кресла — жесткий казенный стул. А стопку деловых писем прекрасно заменила кипа протоколов.

Удивительно, но у меня все еще хватало сил сидеть прямо, сдерживая истерику, и отвечать твердым голосом, а иногда даже и язвить.

— Милейший *сэр*, глаз на затылке у меня нет, а если бы и были, то сквозь шляпку я бы так или иначе ничего не разглядела. Повторюсь: мне ничего не удалось увидеть, а нападавший был на редкость молчалив. Все, что можно, вы от меня уже получили, — сухо кивнула я в сторону блюда, на котором лежала свернутая в клубок удавка да пара ниток, снятых с лепестков серебряной розы.

Спасибо, бабушка. Ты меня спасла — снова. Если бы не крошечная царапина на ладони преступника, если бы не на секунду ослабевшая хватка...

— Леди Эверсан...

— Леди Виржиния, — поправила я его. Все-таки я была урожденной леди, а не простой горожанкой, получившей титул благодаря мужу.

— Хорошо, леди Виржиния, — несколько не раздражаясь, продолжил «гусь». Хоупсон. Кажется, так его зовут. А секретаря, парнишку совершенно серой внешности — мистер Смит. Как оригинально!

Я медленно выдохнула.

— Леди Виржиния, — мягко произнес Хоупсон. — Пожалуйста, вспомните хотя бы что-нибудь. Мы не сможем поймать преступника без примет. Даже если жертвой едва не стала сама графиня.

— Я не могу... — Тут голос у меня сел.

Жутко было осознавать свое полное бессилие. Ну почему я не оглянулась? Тогда бы сейчас уже знала *его* в лицо... и, возможно, *он* оказался бы мне знаком, и «гуси» отправились бы брать преступника под арест.

А так — остается положиться на волю провидения.

— А если *он*... вернется?

В приемной стало так тихо, что слышно было, как скрипели часы в нагрудном кармане у Смита. Слишком светло — свет отражается от идеально отполированной поверхности стола, от темного стекла в окнах, от блестящих металлических ручек секретера...

— Леди Виржиния, мы сделаем все возможное, — улыбнулся Хоупсон, успокаивая меня. Седые усы его смешно встопорщились. — Мы сможем защитить вас... Поверьте. Вы что-то хотели сказать, Смит? — перевел он взгляд на невозмутимо застывшего у дверей секретаря.

— Я взял на себя смелость, сэр, вызвать Эллиса. Как только узнал, что напали на графиню Эверсан, сэр. — Уважение в его голосе, скорее всего, было адресовано не мне, а леди Милдред.

Кажется, даже время нипочем бабушкиной славе.

— И он согласился? — искренне удивился Хоупсон. — Взял «дело без тела»? Простите, леди, — смутился он и нервно погладил усы. — Детектив Норманн не берется ни за какие расследования, кроме убийств. А жаль — он самый успешный сыщик Бромли... да и всей Аксонской Империи, пожалуй. Сотни раскрытых преступлений! — Хоупсон все больше воодушевлялся, глаза его заблестели. Волей-неволей я тоже проникалась благоговением перед этим неведомым детективом. И в то же время — сердилась на себя за излишнюю впечатлительность. — Мы почти молимся на него! Характер у Эллиса, увы, не сахар. Но от такого человека мы согласны терпеть все! И он...

— И он? — с замиранием сердца спросила я.

Хоупсон, этот пожилой, грузный мужчина, сиял, когда говорил о Норманне... об Эллисе. И на мгновение я ощутила почти мистическую радость предчувствия, словно во сне о леди Милдред.

— И он уже здесь, — хмыкнули у двери.

Я вскочила, машинально подхватывая зонтик... да так и застыла.

— Так это вы — детектив Норманн? — слегка разочарованно произнесла я, отмирая.

— А вы — графиня Эверсан? — мальчишески улыбнулся он. В серо-голубых глазах горел веселый азарт. — Что-то мрачновато выглядите.

— Я в трауре. — Не пойми от чего мои щеки вспыхнули румянцем. Ну и дела! С четырнадцати лет не краснела, а тут... перед каким-то коротышкой...

Нет, конечно, если говорить честно — Норманн не был коротышкой. Рост — чуть ниже среднего для мужчины. Может, всего на сантиметр или два детектив уступал мне. Волосы — какого-то невнятного цвета: седые и черные пряди чередовались так отчетливо, что казались крашеными. Узкое лицо, треугольный подбородок, хитрые лисьи черты лица — с чертовщинкой, как говорят. И совершенно очаровательные, по-детски пушистые ресницы.

«Как у кролика», — промелькнула в голове совершенно дикая мысль, и эта параллель — лис с кроличьими ресницами — заставила меня проглотить нервный смешок.

Эллис и бровью не повел.

Большая порция неразбавленной невозмутимости, облачка воздушных ироничных улыбок, коричневая пудра таинственности. Поместить в неприглядный сосуд — мятые брюки в полоску, ботинки да темно-серый плащ — и подавать с пылу с жару. Вот вам и рецепт детектива.

Не рекомендуется леди со слабым сердцем.

— В трауре, — произнес он совершенно невозможным тоном. — Ну конечно. Моя сестрица Рита, — начальник Управления за моей спиной отчего-то закашлялся, — говорит, что за долгим трауром прячут нежелание принять перемены. Она — умная девчонка, поверьте, мисс...?

— Виржиния-Энн, графиня Эверсан-Валтер, — неожиданно для себя ответила я. Этот детектив... вызывал странную симпатию. Нечто глубинное, инстинктивное, сродни

природной незащитности экзальтированных дам перед маленьким пушистым котенком. Он назвал меня «мисс», как будто я была дочерью лавочника, а не графа, но в этом было свое очарование — как будто знак расположения, сокращение расстояния. И хотя первым порывом было поправить его, холодно бросив «леди», я решила не спорить.

— Энн, — повторил он с удовольствием, причмокнув губами — бледными, розовыми, как цветочный лепесток. Такие подошли бы болезненной девице — но не взрослому мужчине. — Мне нравится. Созвучно с «мисс Эн», как записывают анонимных свидетельниц в протоколы... Пожалуй, буду звать вас именно так. Я — Алиссон Алан Норманн, но вы можете называть меня просто Эллис, как и все друзья.

— Друзья? — чувствуя себя до невозможности глупо переспросила я. Кажется, «стальная» графиня Эверсан, леди с мужской деловой хваткой, на время отступила, пропустив вперед какую-то юную дурочку.

Во всем виноваты поздний час и последствия испуга. Да, думаю, именно так.

— Друзья, мисс Энн, друзья, — рассмеялся он. — Мне почему-то кажется, что мы обязательно подружимся. Если, конечно, вы не собираетесь пристукнуть меня своей страшной тростью сию секунду.

Я опустила глаза. Онемевшие, побелевшие от напряжения пальцы сжимали ручку зонта на уровне груди, будто я и впрямь собиралась ударить детектива.

У меня вырвался вздох. В ушах зазвенело.

Брови детектива взмыли вверх:

— Стиви, она теряет сознание!

«Что за глупости!» — хотела возмутиться я, но тут трость с глухим стуком упала на пол — и я следом за нею, в темноту, пропахшую бабушкиным вишневым табаком.

Скрипело кресло-качалка. Мерно стучали шестеренки в настольных часах. Аккуратная трубка в женских пальцах покачивалась, сочась сизым дымом.

— Не все так просто, как кажется, милая Гинни, — философствовала леди Милдред, а я все пыталась разглядеть ее лицо. Но оно ускользало, расплывалось туманным пятном, стиралось из памяти, стоило лишь отвести глаза. — Первое впечатление обманчиво... Да что там первое! Порой живешь бок о бок с человеком, думаешь, что все о нем знаешь, и вдруг выясняется, что его душа для тебя — закрытая книга. А у некоторых — наоборот, вся книга напоказ... Да только нам не разобрать ни строчки, потому что написана она мудрено, а то и вовсе на чужом языке... Милая Гинни, все так сложно... Век живи — век учись... неисчислимы знаний рубежи... во многих знаниях — и многие печали... ученье — свет... есть много дивного на свете...

Бормотание становилось все неразборчивее и бессмысленнее. Я вслушивалась, жадно всматривалась, пытаюсь уловить тающий образ, продлить свидание... Но там, на земле, кто-то решил, что мне пора просыпаться.

— С добрым утром, леди Виржиния, — прощепетала Магда тоненьким звонким голоском, совсем не подходящим женщине ее возраста, и отдернула вторую штору. Первая была уже аккуратно подвязана лентой. Значит, меня разбудило солнце. И какое яркое! Будто полдень на дворе. — Ну и денек вчера выдался, да?

Запасы бодрости и жизнелюбия были у Магды воистину неистощимы. Что бы ни случалось, какие бы беды ни обрушивались на страну, на дом, на нее саму — она просто улыбалась и говорила: «Неприятность, да, леди?», или «Нескучная у нас жизнь!», или вовсе: «Зато будет что вспомнить на старости лет!».

Уж самой Магде точно было что вспомнить. В свои сорок она уже вырастила троих сыновей и сейчас заботилась о маленьких внуках. В Бромли юная Магда переехала вместе с мужем, торговцем. После его смерти, не сумев отбиться от заимодавцев, эта несгибаемая женщина вынуждена была продать лавку и перепробовать множество профессий, от швеи до прачки, пока наконец не устроилась по рекомендации в наш дом — сначала простой служанкой, а потом — на место горничной.

Порой от ее птичьего щебета начинала кружиться голова, а жизнерадостность скрипела на зубах, как песок... Но я бы ни за что не променяла Магду — высокую, нескладную и простую — на какую-нибудь благоденствующую, но пустую и холодную горничную из агентства.

— Вчера? — Я села на постели. Горло болело, как будто накануне пришлось наглотаться льда. Остро, колотого. Картины минувшего дня мелькали перед внутренним взором, мешаясь между собой. Джипси, стрижка, новая пассия Эрвина, пожар на Роук-стрит, недовольный Георг, удавка, крики... Воспоминания обрывались где-то на середине допроса в Управлении спокойствия. — Магда, как я попала домой? Совершенно не помню.

— И немудрено, леди, — ответила она, подвязывая штору лентой. — С устатку-то... Сомлели прямо у «гусей» в допросной! О чем они думали, изверги, когда благородную даму полночи продержали! Авось бы не делись вы куда, леди, до утра, да?

— В допросной... — нахмурилась я. Мне казалось, что все это произошло не со мной — зачем кому-то нападать на графиню Эверсан? Только сумасшедший отважится на такое, да еще рядом со Спэрроу-плейс, где постоянно дежурит кто-нибудь из Управления. Сердце терзало смутным чувством вины перед Георгом. Надо, надо было послушаться своего старого друга!

В этот раз обошлось — хвала небесам! Но не всегда же мне будет везти так? Возможно, следует обзавестись личной охраной. Пожилого садовника, прошедшего колониальные войны и теперь занятого только своими цветами и кустарниками, и того патруля, который охраняет площадь, может оказаться недостаточно... Да и в одиночку ходить надо поменьше.

И, определенно, отныне — никаких омнибусов. Сегодня же велю управляющему заняться поисками водителя.

— И как же я попала домой, Магда?

— Известно как — сам начальник Управления в собственном экипаже и отвез! — Она еще больше оживилась. — В сопровождение взял аж двух «гусей»! Один-то сейчас туточки дожидается — с самого утра пришел. Мол, дело у него неотложное...

— Как он представился, этот ранний птенчик? — Я подавила зевок и аккуратно отвернула край одеяла, спуская ноги на пол. Чуть не запуталась в кружевном подоле сорочки и немного позавидовала мужским пижамам. Почему Роберта Гринтаунская не догадалась замахнуться и на переделку женского белья?

— О, нет, леди Виржиния, — неодобрительно замотала головой Магда. — Не представился. Он с чудинкой слегка — велел передать, что пришел ваш новый друг. И все, ни фамилии, ни титула... Да какие титулы у этих служак, верно? Только звания или вроде того... А он собирается ловить преступника? А...

Постойте-постойте... «другом» мне попытался стать намеренно только один человек...

— Алиссон Норманн — здесь?!

Надо ли говорить, что на приведение себя в порядок у меня ушло вдвое меньше времени, чем обычно... а еще я впервые за много месяцев позволила себе припудриться и подкрасить губы.

Но платье по-прежнему было черным. Само собой разумеется — ведь я никогда не стала бы прекращать траур ради какого-то сыщика, который имеет наглость набиваться в друзья графине. Надо же, знакомы-то меньше суток, а уже навещается по утрам в гости! Изумительное нахальство!

От подобных размышлений неловкое недоумение, которое проросло в моем сердце после сообщения Магды о «друге», обернулось едким раздражением. В гостиную я вошла, надменно выпрямив спину. Жаль, тростью в доме не постучишь — только паркет портить.

— Доброго утра вам, — кивнула я прохладно, приветствуя детектива. — Прошу прощения, что заставила ждать.

Эллис пружиной вскочил с кресла и одарил меня такой улыбкой, что, кажется, даже солнце засияло ярче. Этому, с позволения сказать, детективу все ледяные взгляды были нипочем.

— Доброго утра, мисс Энн, — сказал он непринужденно. Ни вам «леди», ни «графиня Эверсан»... Как будто мы родственники! — Прекрасно выглядите нынче, мои комплименты. Эта весна определенно вам к лицу. Мне всегда было любопытно перекинуться словечком с внучкой *той самой* Эверсан, Обогнувшей Земной Шар! Я что-то вроде коллекционера — собираю интересные знакомства. А вы к тому же оказались такой милой леди!

Получается, я — экспонат в его коллекции?

Наверное, слышалась. Не иначе.

По правде говоря, я несколько потерялась в том словесном потоке, который излил на меня детектив. Только незаменимый опыт поддержания бесконечных разговоров ни о чем, которые вечно велись в кофейне, позволил мне выгнуть бровь и спросить вежливо:

— Неужели?

Гм. Кажется, насчет опыта я погорячилась.

— Да, да, — с воодушевлением закивал он. — И я вдвойне рад, что мне не приходится работать с вашим трупом, мисс Энн.

— А уж как я рада...

— ...ведь это было бы довольно трудное дело. А так в моем распоряжении появляется замечательная ниточка к разгадке, — невозмутимо продолжил Эллис. И тут же улыбнулся: — Но, разумеется, я рад не только тому, что у меня есть живой свидетель преступления. Жаль, если такая очаровательная леди погибла бы во цвете лет!

Чтоб меня молнией поразило, если я поняла — пошутил Эллис или сказал насчет «ниточки» серьезно! Скорее уж с иронией прозвучало последнее замечание — о моем очаровании.

Да и в целом впечатление детектив производил противоречивое.

Он то и дело проводил рукой по волосам — то зачесывая их назад, то опять взъерошивая. Белые и черные прядки перемешались, превратив яркую шевелюру детектива в совершенно неприметную. Соль с перцем, абсолютная серость... Интересно, а сколько ему лет? На вид немногим старше меня, но эти морщинки у глаз... Да и седина не в двадцать лет появляется. Тридцать? Тридцать пять? Сорок? Даже наметанный глаз хозяйки кофейни не мог определить. Путал мысли и невеликий рост Эллиса, и его неподражаемо живая мимика: казалось, что каждая черточка находилась в движении. Выгибались брови — удивленно, восторженно, скептически. Хлопали ресницы, по-юношески густые. Взгляд скользил от одного предмета к другому: фамильные портреты на стенах, городской пейзаж за окном, покрывала ручной вышивки на диванах, глухой ворот моего платья, Магда в подносом в

руках...

— Так что за дело привело вас в мой дом с самого утра? — задала я дежурный вопрос, чтобы перейти от взаимных расшаркиваний к сути беседы. — Это связано с расследованием?

Магда послала мне разгневанный взгляд, но я велела ей выйти взмахом руки. Потом позавтракаю, после разговора. Если, конечно, останется время до открытия кофейни.

— Ну, разумеется, с расследованием. Хотя я с удовольствием заглянул бы к вам и по менее прозаической причине.

И вновь я не могла понять, шутит он или говорит правду. Сейчас, когда детектив отвернулся от залитых солнцем окон, его глаза немного потемнели и теперь казались скорее серыми, чем голубыми. Станным образом это сделало Эллиса еще более беспечным... Похоже, мне уже нравилось мысленно звать его этим фамильярным прозвищем. Оно гораздо лучше этого нагромождения звуков, под которым его представил мне начальник отдела в Управлении. *Алиссон Алан Норманн*. Первое имя означает «мальш», что, безусловно, ему подходит, второе — «самый значительный», а фамилия — «человек с севера». Забавное сочетание — пожалуй, еще смешней, чем у меня.

— И о чем вы хотели поговорить? — пришлось мне вновь поощрить детектива, продолжавшего все так же беспечно разглядывать обстановку.

— Поговорить... — эхом откликнулся он и перевел глаза на меня. — Вы не заметили вчера чего-нибудь странного, мисс Энн? — Взгляд его внезапно стал тяжелым, понижывающим, как зимний ветер.

Ну вот! Все те же глупые вопросы, что и вчера! Как же надоело!

— Разве вы не читали мои показания, мистер Норманн? — сухо поинтересовалась я. Пальцы так и норовили отстучать нервную дробь по подлокотнику или выдернуть нитку из юбки, но на помощь пришло жесткое воспитание пансиона для благородных девиц имени Святой Генриетты. Руки оставались благонаравно сложенными на коленях, спина — прямой, как учительская указка. Мать бы гордилась мною. — Там довольно ясно сказано, что на улице было достаточно темно, а нервное потрясение от удушья оказалось слишком велико, чтобы уделить должное внимание внешности преступника и его манерам. Могу сказать только, что это не джентльмен, ибо так обращаться с леди может только мерзавец самого низкого происхождения, — и я машинально коснулась пальцами горла под высоким воротничком, которое окольцовывал отвратительный синяк.

Детектив улыбнулся:

— Полностью согласен с вами, мисс Энн. Да только я уже читал показания, сделал кое-какие выводы, побывал на месте преступления... и нашел нечто необычное. Рядом, на обочине, под канализационной решеткой, валялась очень хорошая бритва. Такой запросто можно отхватить с ходу палец, если приложить чуть больше усилий, — и руку перерубить. А уж с тем, чтобы полоснуть по горлу, и вовсе никаких проблем не будет. На рукояти этой бритвы обнаружено немного нитяных волокон — таких же, какие мы сняли с вашего кольца... — Он придвинулся ближе и завладел моей ладонью. Перевернул ее, как для поцелуя, — и вдруг поднес к самым глазам, внимательно разглядывая розу из черного серебра на безымянном пальце. — Готов поручиться, что преступник держал удавку одной рукой, а другой — бритву. И только поэтому вам удалось избавиться от захвата. Обычно, мисс Энн, скинуть удавку практически невозможно, даже если противник сильно уступает вам в силе и росте. Здесь же, как я понимаю, о вашем преимуществе речи не шло?

А ведь и правда... Удавку с первого момента тянуло немного вверх. А это значит...

— Он был выше меня, — уверенно заявила я. — Вчера сомнения еще оставались, но сегодня, после ваших слов, я готова внести этот факт в показания. Что же касается силы... — Мне вспомнился злополучный удар тростью. Похоже, железный наконечник угодил вовсе не в живот, раз преступник, превосходящий меня силой и ростом, сразу выпустил удавку. — Силен, определенно. Думаю, удача в тот вечер действительно была на моей стороне.

— Хм... Пока нам известно только, что нападавший был крупным мужчиной, выше или даже значительно выше вас ростом. К тому же он не имел намерения покушаться на вашу жизнь. Возможностей-то у него предостаточно было, однако преступник ими не воспользовался. Скорее всего, он хотел удушить до потери сознания, — рассуждал вслух детектив. — Удар по голове тяжелым предметом мог и не сработать — с таким-то пучком на затылке, как у вас, мисс Энн. — Эллис усмехнулся и плавно повел головой назад, изображая, как оттягивают ее длинные волосы. Я нахмурилась — поведение детектива становилось все более театральным, словно у Мадлен. — А вот что преступник собирался сделать потом — загадка. И зачем он держал нож наизготовку? Хотел что-то быстро срезать, а потом убежать — до того, как его застигнут стражи порядка? Но что именно? Разве что... Мисс, вы не храните под корсетом деловые письма? Или любовные? — Тень улыбки скользнула по его губам.

— К вашему сведению, мистер Норманн, корсеты уже лет восемьдесят, как не носят.

Я попыталась высвободить ладонь, но детектив держал крепко.

— Ну, не скажите, мисс Энн, — развеселился вдруг он. — Есть и такие особы, для которых корсет является почти обязательной частью туалета... Впрочем, вы к таковым по роду занятий не относитесь. — Эллис наконец отпустил мои пальцы и вернулся в свое кресло. Я с облегчением отдернула руку и отсела от мужчины подальше — на всякий случай. Эллис был непонятным, порывистым, он обладал странной логикой — и это пугало. — Итак, пока есть две основные версии. Первая — нападавший лично имел к вам некие претензии. Вторая — вас, леди, «заказали», простите за жаргон, и преступник — всего лишь наемник. Случайное ограбление исключается — глупцов, способных забраться в Вест-хилл из-за жажды наживы, и днем с огнем не сыскать. Так как точным описанием нападавшего мы не располагаем, то исходить придется из принципов «кто имел возможность» и «кому выгодно». Знаете о таких?

— Да, я знакома с основами сыскного дела, — с достоинством кивнула я, забыв упомянуть, что все мои знания проистекают из хаотических поучений Луи ла Рона. Этот служитель слова приравнивал работу журналиста к работе детектива и любил хвастаться своими «методиками».

Эллис удовлетворенно улыбнулся, откидываясь на спинку кресла. Прическа его к настоящему времени пришла в состояние даже не вороньего гнезда, а распотрошенного соломенного стога, но детектива этот факт несколько не беспокоил. Кажется, ему доставляло своеобразное удовольствие выглядеть сущим пугалом рядом с безупречной и чопорной графиней.

— Хорошо, что вы понимаете, мисс Энн. Метод этот довольно действенный... Проблема в том, что у людей вашего положения — одинокая, богатая, успешная аристократка — врагов слишком много. Именно поэтому я и попросил вас вспомнить, не случилось ли что-нибудь странного — не только вчера, но и в последние недели. Не происходило ли ссор с деловыми партнерами, не срывались ли сделки, не угрожали ли вам расправой, не ощущали ли вы

слежку за собою... Все, что сумеете припомнить. И, разумеется, необходимо расписать минувший день в малейших подробностях. Кто знает, какая на первый взгляд неприметная ниточка приведет нас к разгадке.

Нас?

Я улыбнулась уголками губ. Отчего-то это слово мне понравилось.

— Полагаю, к открытию кофейни я уже не успею?

Детектив поднял бровь:

— До двенадцати? Ну, разумеется, нет!

— В таком случае я черкну пару строк Георгу, а затем приступлю к рассказу.

— Георгу? Вы так лаконичны, мисс! — насмешливо фыркнул Эллис. — Не соизволите ли разъяснить, кто есть кто?

Я звякнула колокольчиком, подзывая Магду. Составлю записку с предупреждением, а отнесет ее один из мальчишек — помощников садовника.

— Георг — это мистер Белкрафт, — коротко пояснила я. — Он кофейный мастер в «Старом гнезде»... Магда, будьте добры, принесите мне прибор для письма, бумагу и конверт.

— А, ваш знаменитый повар, который вместе со старой графиней Эверсан обогнул Землю? — непонятно чему обрадовался детектив. — И тот, кто, по слухам, должен был унаследовать «Старое гнездо»?

— Он и унаследует — если со мной что-то случится, — пожалала я плечами. Воротник тут же сдавил синяк на шее, и лишь с трудом удалось удержаться от гримасы. Пожалуй, лучше всего мне сохранять пока аристократическую неподвижность. — Он — второй в очереди...

Эллис вдруг вскочил, захлопав в ладоши:

— Браво, мисс! Вот и первый подозреваемый!

— Что? — Я подскочила — и чуть не упала, запутавшись в складках ткани. Надо переходить на модные в этом сезоне укороченные и простые юбки. Подражать бабушке, конечно, не возбраняется, особенно вечерами в кофейне, но скоро я стану выглядеть слишком старомодной... А с такими заявлениями, какое сейчас сделал детектив, однажды точно запутаюсь и свалюсь. — Как вы смеете обвинять Георга? Вы совершенно его не знаете!

— А вы, полагаю, досконально разобрались в характере мужчины, который вам в дедушки годится? — иронично поинтересовался детектив. — Ну-ну. Поразительная самоуверенность, мисс Энн.

Я разозлилась — действительно разозлилась. Будь у меня в руках фарфоровая чашка — грохнула бы ее о паркет.

А так — только сжала ладони в кулаки.

— Георг не мог этого сделать, — произнесла я отдельно. — Высказывать подобные предположения — значит наносить оскорбление не только мистеру Белкрафту, но и мне. Прошу вас, мистер Норманн, взять свои слова обратно.

Эллиса мои слова не впечатлили ни на гран.

— Не кипятитесь так, мисс Энн, — усмехнулся детектив — нелепое темно-серое пятно в моей безупречной желто-коричневой гостиной. Раздражающий диссонанс, лишняя ложка сахара в кофе, горошина на стуле, оса в рукаве... — А то вы приобретаете сходство с кофейником, который бурлит и дребезжит крышкой. И голос у вас делается высокий и смешной. Вам больше идет смех, мисс Энн. — И усмешка вдруг обернулась улыбкой, смягчая

едкую иронию слов.

Смешной и высокий? Вот нахал! Да что он себе позволяет?!

— Мистер Норманн... — начала я с твердым желанием произнести «прошу вас покинуть мой дом», но осеклась. Детектив был мне нужен. Я ни мгновения не сомневалась, что он может раскрыть это преступление... А вот насчет других «гусей» у меня такой уверенности не было.

— Мисс Энн, — голос Эллиса потек, как патока, — если вы, скажем, ответите мне на три вопроса о Георге и покажете, что действительно его знаете, то я, пожалуй, возьму свои слова обратно и извинюсь.

Внезапно я успокоилась. Да и что за вспышка это была? Наверное, от бурления соков в голодном желудке. Надо было послушать Магду и съесть хотя бы пару тостов, тогда кипение желчи не разрушало бы мое самообладание.

— Задавайте вопросы. — Я нарочито медленно села на диван, расправляя юбки, и окинула Эллиса самым холодным взглядом из своего арсенала.

Детектив вдруг улыбнулся совсем по-другому — хищно и цепко — и подался вперед:

— Для начала — его хобби и любимый цвет.

— Элементарно, Эллис, — произнесла я его имя — высокомерно, снисходительно и едко, и это доставило мне непередаваемое удовольствие. — Цвет — зеленый. Хобби — чтение романов Джейн Стоун.

— Занятный выбор для джентльмена, — хмыкнул он, словно и не заметив моей фамильярности. — Ну, хорошо, тогда второй вопрос. О чем он сожалеет?

Тоже мне, сложность! Да об этом догадается любой, кто поговорит с Георгом хотя бы пару часов.

— О том, что не угостил мистера Хата накануне отъезда слабительной микстурой, как собирался, — пожалел бедолагу. И в итоге Роуз Фолк так и не стала миссис Белкрафт.

— Чудесно, — произнес он без улыбки. — А теперь, мисс Энн, скажите мне... Где был мистер Белкрафт, когда на вас совершили нападение?

Я пожала плечами. Тоже мне, коварный вопрос.

— Полагаю, на полпути к своему дому. Он живет поблизости от кофейни, на углу авеню Роул и Стим-стрит.

— Полагаете? — Голос Эллиса сделался вкрадчивым. — Но не знаете точно, так?

— Вы можете сами расспросить Георга, — возразила я раздраженно. — Конечно, не знаю *точно*, я же не его ангел-хранитель.

— Что и требовалось доказать, мисс Энн, — невозмутимо подвел итог детектив. — Вы — не ангел, хотя, безусловно, имеете с этими существами определенное сходство... Но прежде всего вы — человек. А людям свойственно ошибаться, мисс Энн. Мой дядя Патрик, — наставительно поднял он палец, — всегда говорил: «Предать может только друг». Глубокая мысль, на мой взгляд. От врагов мы и так не ожидаем ничего, кроме каверз, а вот друзья порой могут стать источником весьма неприятных неожиданностей. Впрочем, не стоит делать поспешных выводов, мисс Энн, — добавил он великодушно. — Возможно, мистер Белкрафт и вправду здесь ни при чем. Но чтобы разубедить меня в этом, понадобится все ваше красноречие... И, разумеется, целая гора фактов. Итак, что странного было в последние дни?

Глядя в сияющие от предвкушения глаза Норманна, я сдалась. Ладно, пусть будет еще одна пустая беседа, все равно к открытию кофейни не успеваю. Мадлен, Георг и миссис Хат

справятся и без меня, с утра посетителей немного. Но вот к пяти-шести часам нужно будет обязательно подойти.

— Ничего особенного не припомню, — пожала я плечами. Вот бы сейчас чашку крепкого кофе с корицей! Конечно, сердце потом будет колотиться, как у влюбленной дурочки, зато мысли станут ясными и четкими. — Совершенно обычная неделя.

Эллис бархатисто рассмеялся:

— Ну же, мисс Энн, задумайтесь — я не знаю, как у вас проходят «обычные недели». Сделайте милость, расскажите поподробнее!

— Заключенные с поставщиками сделки вас тоже интересуют? — выгнула я бровь, уже прикидывая, что можно рассказать, а что лучше оставить при себе. — Или тайны моих посетителей?

— Меня интересует все, — твердо произнес детектив. И хитро улыбнулся: — Не беспокойтесь, мисс Энн, все останется между нами. Надежнее, чем на исповеди. Будьте искренней — от этого зависит успех расследования... И, возможно, ваша жизнь.

После таких слов я уже просто не могла позволить себе и дальше отделяться от детектива общими фразами. Пришлось раскладывать всю неделю по часам. Благо на память я пока не жаловалась.

Эллис тоже не сидел молча, кивая в нужных местах. Он то и дело перебивал меня, порой весьма невежливо, задавая уточняющие вопросы: когда, с кем, сколько стоило, а часто ли этот джентльмен заходит в кофейню... Иногда предмет интереса детектива вызывал у меня искреннее недоумение. Зачем, например, Норманну понадобилось выяснять, сколько раз в месяц Эрвин Калле перекрашивает волосы? Или, например, каково услышать такой вопрос — «Давно ли у мистера ла Рона была последняя публикация?»

При чем здесь это? Честное слово, не знаю я точно, что Эллис — из Управления, мне бы показалось, что он принадлежит к журналистской братии.

А еще — постепенно складывалось впечатление, что этот безумный детектив подозревает абсолютно всех. Досталось даже бедолаге Рою Салливану — за слишком высокий рост и недюжинную физическую силу.

— Что ж, подведем итоги, мисс Энн, — с энтузиазмом заявил Эллис, когда я, наконец, произнесла долгожданное: «Сегодня проснулась поздно и сразу спустилась в гостиную, для беседы с вами». — А они неутешительные: почти у каждого из вашего окружения, а также у неисчислимого множества всяких посторонних лиц есть причина желать смерти графине Эверсан — и возможность совершить нападение.

— Вы так считаете? — обреченно вздохнула я.

Так, как после полуторачасовой беседы с детективом, мне не случалось уставать даже во время визитов в кофейню королевских особ. Горло пересохло от нескончаемых ответов на вопросы, желудок то и дело напоминал, что последняя трапеза состоялась еще вчера вечером, а голова начинала кружиться из-за недостатка свежего воздуха. Надо было попросить Магду открыть окна — хотя бы ненадолго.

— Ну разумеется! — воскликнул Эллис, переплетая пальцы рук в замок. — Давайте считать. Начнем, конечно, с ваших близких. Мисс Мадлен можно сразу отбросить — она единственная целиком и полностью зависит от благосклонности графини Эверсан, да и сложно немой девочке нанять убийцу. Далее — Георг Белкрафт. Второй в очереди на наследство, вложивший в кофейню всю свою жизнь... Для вас-то, мисс Энн, «Старое гнездо» представляется чем-то вроде приятного дополнения к прочей собственности. Вместе с

титолом вы унаследовали обширные земли южнее Бромли, за долиной озер, загородный дом, замок, несколько ферм, недвижимость в столице — все это приносит неплохой доход. А ведь есть еще счет в банке, некое количество драгоценностей, электромобиль, сделанный по специальному заказу... Но для простых горожан, вроде мистера Белкрафта, кофейня — это путь к благополучию. Чем займется ваш повар, когда не сможет больше готовить десерты и напитки?

— У Георга неплохое пожизненное содержание, — без всякого желания ответила я. Беседовать на тему предполагаемой виновности моего доброго друга не хотелось совершенно. — Я понимаю, что деньги, на ваш взгляд, решают все и могут сбить с пути истинного любого человека... Но прошу, оставим пока эту тему.

— Как пожелаете, мисс Энн, — успокаивающе улыбнулся он. — Что ж, переходим к следующему. Родственники по материнской линии также получают большое наследство в случае вашей внезапной гибели — внесем в список и их. К кому, говорите, может перейти титул? В теории, разумеется.

— Если совсем в теории — к моему супругу или детям... Но если они так и не появятся — к моему дяде, согласно «Декретам» Катарины Четвертой, правда, для этого потребуются личное согласие правящего монарха. Вас ведь интересует именно такой вариант?

Я с трудом удержалась, чтобы не скривиться. С братом матери, сэром Клэром Черри, отношения у меня не ладилась. Он принадлежал к весьма консервативной части общества и считал вопиющим нарушением всех традиций то, что я лично занималась делами «Старого гнезда», готовила кофе для особенно дорогих посетителей, а также до сих пор не обзавелась семьей — желательно выйдя замуж за кого-нибудь из богатых герцогов... А то и вовсе — породнившись с правящей династией.

Меня, к слову, ни один из тридцатилетних принцев не прельщал. Даже наследник престола. Уж лучше, как мой отец, совершить мезальянс, сочетавшись браком с любимым человеком более низкого происхождения, чем всю жизнь мучиться в золотой клетке.

Тем более мне — достаточно знатной и богатой леди, чтобы иметь возможность самой выбирать себе мужа.

— Да, мисс Энн, — удовлетворенно кивнул детектив. Он забавно смотрелся в классических интерьерах дома — маленький, подвижный, взъерошенный, как лис, повалившийся по траве. И в то же время взгляд Эллиса оставался цепким, сосредоточенным — даже когда детектив смеялся. — Вносим в список дядю. Далее — возможные соперники в деловом мире... Ну, насколько я разбираюсь в модных веяниях — «Старое гнездо» сейчас возвышается над всеми прочими подобными заведениями на голову, так что эту версию в расчет не берем.

На сей раз я согласилась с Эллисом — соперников на деловом поле у меня не было. «Старое гнездо» со стороны больше походило на элитарный клуб, чем на источник дохода, хотя денег приносило достаточно.

— Итак, движемся дальше! — Детектив откинулся на спинку дивана, смешно выгибая брови. Отчего-то мне показалось, что Эллису хотелось спать, но он всячески это скрывал. Всю ночь строил теории? — На очереди — посетители кофейни. Самый подозрительный, конечно, это ваш художник — мистер Калле. Меняет дам, как перчатки, ни одну из прежних пассий в кофейне больше не видели... А знаете ли вы, что в последнее время в городе начали пропадать молодые девушки?

Ощущение нелепости происходящего все нарастало. Калле — хрупкий, как мальчишка,

изнеженный, приторный любитель эпатировать публику — и вдруг убийца? Под конец я не выдержала и рассмеялась:

— Неужели вы готовы подозревать Эрвина? Он просто ветреный, как и все люди искусства.

— Все равно, — продолжал детектив упрямо гнуть свое, дергая себя за белесую прядь. — В тихом омуте, мисс Энн, черти водятся! Знаете, сколько я видел случаев, когда безутешная вдовушка оказывалась убийцей, а сын-ангелочек — семейным тираном, державшим в страхе мать с отцом? Моя тетя Мэри говорила, что внешность обманчива. Многие вещи на самом деле совсем не такие, какими кажутся на первый взгляд, — добавил он, и эти слова отозвались во мне тревожным эхом, словно полузабытое воспоминание.

— Пусть так, — со вздохом согласилась я. — Кого еще начнем подозревать? Старика-полковника? Поэтессу?

— Журналиста, — без тени насмешки ответил Эллис. Пальцы отбарабанили по коленке рваный ритм. — Я к этому Луи ла Рону давно подкапываюсь. Слишком уж рьяно он хранит в тайне свою настоящую фамилию. К тому же у него давно не было сенсационных публикаций... Готов поклясться, что мистер ла Рон вполне может устроить скандал ради того, чтобы вновь оказаться на первой полосе. А для этого достаточно всего лишь инсценировать покушение на графиню и преподнести его родной газете под ярким заголовком — «Сбежавшие преступники добрались до Вест-хилл!» или там «Графиню спасло чудо!»... Ах, какой кошмар, какая чудовищная новость! — всплеснул он руками, изображая экзальтированного любителя свежей прессы.

— Меня спасли бабушкин зонтик-трость и фамильное кольцо, — принципиально поправила я Эллиса, против воли начиная улыбаться — уж больно забавной вышла пародия.

Что же касается журналиста... Ла Рон действительно склонен был раздувать скандал на пустом месте и делать «бомбы» из совершенно незначительных событий. Впрочем, это свойство я бы, скорее, приписала его таланту, нежели жажде славы. Поэтому вряд ли Луи имел отношение к покушению на мою драгоценную особу.

— Вас спасла готовность драться, — совершенно серьезно откликнулся он, заглядывая мне в глаза. — Умение постоять за себя — это, пожалуй, достойно уважения скорее, чем графский титул.

Я почувствовала себя так, словно мне сделал комплимент по меньшей мере монарх.

— Полагаю, у нас, Валтеров, такое умение в крови, — благосклонно кивнула я, пряча за высокомерием легкое смущение. Эллис невоспитанно фыркнул. — Но продолжим. Кто еще оказался в вашем списке, мистер Норманн?

— Ну же, мисс Энн, вы уже называли меня Эллисом — и называйте впредь, — с легкой укоризной взглянул на меня детектив. — А что касается списка — добавим туда хозяина парикмахерской, в которой работала похожая на вас девушка... Она была ранена, так? Возможно, планировали сначала напасть на графиню, но в темноте, скажем, перепутали... Да мало ли что! Чувствую, что этот салон точно связан с нападением. В конце концов, визит к парикмахеру — чуть ли не единственное событие, которое выбивается из вашего обычного расписания... И еще эта, как ее, — Эллис прищелкнул пальцами. — Та джипси, которой вы оборвали подол... Как ее звали, говорите?

Я сосредоточилась, стараясь припомнить поточнее.

— Хильда или Зулма... Какое-то редкое имя. Зулма-гадалка? Нет, не то...

Детектив внезапно просиял:

— А не Зельда-гадалка, случаем?

Перед глазами, как наяву, встало неумытое лицо джипси.

— Точно! Как вы догадались?

— Зельда, известная также как Зали и матушка Сальда, а еще эйвонская гадалка — частая гостья в нашем Управлении, — рассмеялся Эллис. — В своем роде знаменитость. У нее вспыльчивый характер, два мужа, вынужденных мириться с существованием друг друга, и четверо сыновей... Дважды попадалась на воровстве, трижды — на мошенничестве, и несчетное количество раз «гуси» забирали ее за скандальное поведение.

— И почему же она до сих пор на свободе — с такой-то дурной славой? — с искренним недоумением переспросила я. Два мужа! О, небеса! Ну и нравы у нашей бедноты, куда уж там дикарям с Черного континента. Я с трудом удержалась от презрительной гримасы. — Почему не в тюрьме?

— Это было бы слишком расточительно, — усмехнулся он, откидывая с лица прядь. — Зельда — крайне полезный человек... и очень, очень интересный. Жаль, что вы не поладили. И, к слову, узнать, причастна ли она к нападению, можно прямо сейчас. Не откладывая надолго.

— И как вы можете это сделать? — с любопытством переспросила я. Кажется, детектив умудрился заразить меня своим энтузиазмом.

— Мы можем сделать, мисс Энн, — уточнил Эллис и плавно поднялся с дивана.

— Мы?

Детектив внезапно шагнул ко мне и склонился, протягивая мне руку:

— Мисс Энн... прекрасная леди Виржиния... не окажете ли вашему покорному слуге честь и не отправитесь ли вместе с ним на незабываемую прогулку к сердцу нашего славного города, дабы почтить визитом знаменитую Зельду, эйвонскую гадалку?

По спине пробежали мурашки. Я смотрела на детектива снизу вверх и медлила с ответом. Что-то в словах Эллиса, в его взгляде — насмешливом и настороженном, в том, как протягивал он мне руку, говорило: осторожнее, Виржиния, это — испытание.

И, не будь я графиня Эверсан, я непременно пройду его с блеском!

— Конечно, мистер Нор... Эллис, — улыбнулась я, вкладывая в его ладонь — свою. — С удовольствием составлю вам компанию. Только, полагаю, мне следует надеть что-нибудь неприязнательное, чтобы... — «не выделяться из толпы», — подумалось мне. — ...чтобы не оскорбить взоры обитателей Смоки Халлоу намеком на разницу в социальном положении?

Он рассмеялся, потянув руку на себя, и, поднимаясь, я чуть с ним не столкнулась, чудом сохранив пристойное расстояние между нами.

— Верно мыслите, мисс Энн. Но в вашем случае... — Слишком нахальный, оценивающий взгляд соскользнул с идеально гладкого узла на затылке к наглухо застегнутому воротнику траурного платья, небрежно прошелся по груди, зацепился за наши сомкнутые ладони... и — вновь вверх, от старомодных черных юбок до скальвающей ворот агатовой броши. — Думаю, достаточно будет оставить дома украшения и накинуть сверху шаль попроще. Вряд ли кто-то отважится напасть на нас среди бела дня. Мы же не собираемся гулять по притонам.

Последняя фраза прозвучала полувопросительно. По притонам? Еще чего! Я с достоинством отступила, высвобождая руку из цепких пальцев.

— Кольцо я могу оставить?

— Вполне. Только поверните его камнями к ладони, — кивнул Эллис. — И захватите

пару хайрейнов наличными — будем мириться с красавицей Зельдой.

— Если вы считаете, что это необходимо — захвачу, — согласилась я. — Подождите здесь пару минут, пока я отдам прислуге кое-какие распоряжения и соберу вещи.

— Договорились, мисс Энн, — улыбнулся он. И добавил с иронией — едва слышно, когда я уже выходила: — Вот ведь легка на подъем... Наследие Валтеров...

На улице было удивительно тепло для середины апреля. Шаль — на сей раз не самая лучшая — вытертая, из тонкой черной шерсти, а не прежняя моя дорогая накидка, — лежала на плечах жарким грузом. Зато под ней очень удобно было прятать от посторонних глаз сумочку с неизменными дамскими принадлежностями и, в кои-то веки, кошелем с наличными деньгами. Подкупать какую-то гадалку мне совершенно не хотелось, но вот пройти с Эллисом и узнать, как он собирается выводить Зельду на чистую воду...

Некоторые женщины любопытны, как кошки. Я — из их числа.

— Вам не жарко, мисс Энн? — поинтересовался насмешник-детектив, весело поглядывая на меня из-под козырька кепи.

— А вам? — сердито переспросила я, одергивая концы шали.

Это по вине Эллиса мне сейчас приходилось мучиться от жары. Весна выдалась более чем теплая, и многие дамы из высшего света уже перешли на одежду, больше похожую на летнюю. Но простые горожанки все еще носили пальто и платки, не торопясь разоблачаться. Вот и мне, чтобы не выделяться на улицах, пришлось нацепить душную шаль.

Эллис, впрочем, тоже щеголял в наряде не по сезону. И выглядел, сказать по правде, крайне непрезентабельно. Потрепанный каррик с неряшливым многослойным воротником, мешковатые, в противовес моде, брюки... Все грязных, сероватых оттенков. Да еще это невнятное коричневое кепи ни к селу ни к городу — встретить я подобного господина на темной аллее, наверняка приняла бы его за рабочего или того хуже — за грабителя.

Самое то для Смоки Халлоу.

— Нисколько, мисс, — ослепительно улыбнулся он. — К тому же на дне бромлинского «блюдца» гораздо прохладней, чем на холмах, — река близко. Наш путь лежит в Стим-энд, это у самого берега. Если не найдем Зельду дома, то попробуем попытать счастья на Золотой площади.

— На Золотой площади леди не место, — вырвалось у меня машинально — уж слишком часто повторяли эту фразу в салонах, на званых вечерах и даже в моей кофейне. — Говорят, там опасно... И к тому же собираются торговцы «небесным зельем» и прочая опасная публика. Если кто-нибудь узнает, что я побывала там, то на моей репутации появится приличное пятно, — попыталась я отшутиться, но под ироничным взглядом Эллиса чувствовала себя совершенно беспомощной.

— Я никому не скажу, — заговорщически улыбнулся детектив. — Как говорила моя тетушка Луиза — держи язык за зубами, и будешь богат годами. Бросьте переживать, мисс Энн. Вам ничего не грозит. Леди Милдред Эверсан совершила гораздо более смелый и безрассудный поступок в свое время, и ее посчитали героиней, а не безнравственной особой.

Ох, опять! Будто бы во мне нет других достоинств, кроме крови старой графини Валтер!

— Я — не моя бабушка, мистер Норманн. — У меня аж скулы свело.

— Мисс Энн, у вас ужасная привычка называть меня по фамилии, когда вы злитесь. Может, стоит избавиться от нее? — произнес он столь непринужденным тоном, что всякое раздражение мигом улетучилось.

— Пожалуй, Эллис — это слишком фамильярно для меня, — откликнулась я нарочито

сухо, чтобы не показывать, какую власть имеет этот странный мужчина над моим настроением.

— Тогда как насчет детектива Эллиса? Или просто детектива? — Он, не глядя на меня, порывлся в карманах. — Куда же он запропастился... Словом, как угодно — только не мистер Норманн. Когда шеф не в духе, он называет меня именно так, — неожиданно сознался Эллис.

— Разумеется, я учту ваши пожелания... А что вы ищете, если не секрет? — поинтересовалась я, чтобы сменить тему.

— Свисток... Да где же... А, вот! — Он с радостным видом извлек на свет маленькую серебристую вещицу. — Именной, — похвастался Эллис. — Вообще-то он нужен, чтобы оповещать горожан о том, что я преследую преступника... Но кэбы с его помощью тоже останавливать удобно.

— Мы поедem в кэбе?

— Конечно, — кивнул Эллис. — Омнибусы ходят далеко от тех мест, куда нам требуется попасть... Плату за наем экипажа — пополам, идет, мисс Энн?

Я несколько опешила. Никогда не слышала, чтобы даже часть расходов джентльмен перекладывал на плечи леди. Но с другой стороны... Мое финансовое положение не в пример лучше, чем у Эллиса. Вряд ли у «гусей» такое уж большое жалованье...

— Лучше оплачу целиком, — неожиданно для себя сказала я и сама испугалась. — Надеюсь, вы не будете распространяться об этом. Люди будут сплетничать.

— Ну что вы, мисс Энн, — довольно сощурил он глаза. А вот и слабость — наш Эллис, похоже, не любит лишних расходов. Либо он прижимист без меры, либо по уши в долгах. — Как говорила моя тетушка... и так далее. Благодарю за понимание — редко встретишь столь разумную и добрую леди.

— Не стоит благодарности, — церемонно кивнула я.

— Стоит, стоит, — хмыкнул Эллис и вдруг дунул в свисток так, что я на месте подскочила от неожиданности. — Эй, там! — махнул он рукой, подзывая кэб. — Эх, не люблю я эти четырехместные скрипучки — то ли дело таксомотор на бензине... Мисс Энн, прошу, — галантно подал он руку, помогая мне забраться на подножку. — Смоки Халлоу, куда-нибудь поближе к Стим-энд.

— Как скажете, мистер, — неодобрительно буркнул кэбмен. — Выезд за пределы маршрута — по четыре рейна за милю, мистер.

— Замечательно.

Я незаметно передала Эллису несколько монеток — даже если и деньги будут мои, пусть расплачивается сам. Сохраним хотя бы видимость приличий.

Против ожиданий, детектив сел не напротив, а рядом со мной. Все его внимание досталось пейзажу за окошком. Я глянула сквозь занавеску со своей стороны — вздохнула: наблюдение за тем, как приличные районы медленно сменялись безликими бедняцкими кварталами, нагоняло тоску. Бромли, в отличие от других, материковых столиц, разрастался только на восток, а не во все стороны. И поэтому мануфактуры и трущобы, которые раньше располагались на окраине города, полтора века назад внезапно оказались заключенными в кольцо из благополучных и даже богатых районов. Парламент уже не один десяток лет грозился вывести трущобы Смоки Халлоу за пределы столицы и утопить бывшие мануфактуры в садах и парках, но пока все оставалось по-прежнему.

И именно в сердце этого грязного пятна на карте Бромли мы направлялись в тряском четырехместном кэбе.

— И часто у вас бывают такие прогулки? — спросила я, только чтобы завязать беседу, а не бездумно разглядывать четкий профиль Эллиса на фоне окна.

— Частенько, — улыбнулся детектив уголками губ. — Служба обязывает... Но с такой милой спутницей — никогда.

— Иронизируете?

— Разве что самую малость.

На улицах было полно народу. Спешили куда-то по своим делам неряшливые женщины с усталыми лицами, рядом с кабаками балагурили и смеялись громко и пьяно пестрые компании, шныряли дети с настороженным, диковатым взглядом. Этот мир ошеломляюще отличался от моего — степенного, дружелюбного и яркого. Здесь, чтобы выжить, приходилось становиться серым и незаметным, теряться в толпе.

Мне — с аристократически надменной осанкой и прямым взглядом — тут не место, какую поношенную шаль я бы ни надела.

— Долго ли еще?

— Почти приехали, мисс Энн. Потерпите четверть часа.

Ничего не поделаешь, оставалось ждать. Стенки опасно потрескивали, когда кабриолет подскакивал на кочках, скрипели рессоры. Эллис смотрел в окно. Я медленно обводила подушечкой пальца колкие лепестки серебряной розы и думала о том, что впервые за два года, с тех пор как Милдред заболела и кофейня перешла ко мне, утро посвящено не расчетам, встречам с поставщиками и насущным делам, а чему-то по-настоящему интересному.

Несмотря на то, что с реки отчетливо потянуло гниловатой водой и фабричной гарью, дышать стало легче.

Кэб затормозил и медленно остановился.

— А вот и конец пути, мисс Энн, — оживился Эллис. — Позвольте вам помочь...

Стим-энд полностью оправдывал свое название — пар из труб ближайшей мануфактуры как будто застревал между лачужками местных обитателей. Бренчало где-то расстроенное пианино, а во дворике, за домами, визгливо переругивались на иностранном языке.

— С вас девяносто рейнов, мистер. — Видимо, костюм Эллиса не внушал уважения не только мне.

— Сколько-сколько? — возмутился детектив. — А по счетчику выходит не больше шестидесяти семи!

— Мистер, эта адова машинка не работает! То больше насчитает, то меньше...

— Я сюда не в первый раз езжу и знаю, сколько...

Чтобы не слушать мелочные препирательства из-за двадцати рейнов (моих, к слову), я отошла в сторону, с любопытством разглядывая окружающий пейзаж. Здесь дома не вольготно располагались поодаль друг от друга, как на холмах, а лепились стенка к стенке, дверь к двери. Кровли налезали одна на другую, и проулки превращались в узкие темные тоннели. Находясь в таком месте, поневоле прижимаешь к себе сумку обеими руками, горбишься, прислушиваясь — не идет ли кто следом, пряча в кармане нож?

И думать не хочу, каково здесь ночью.

— Мисс Энн... — рука вкрадчиво легла на плечо.

С трудом подавив порыв засадить назад тростью — «Это всего лишь Эллис, Гинни, успокойся», я непринужденно обернулась и спросила:

— Уже выторговали у извозчика свои двадцать рейнов?

— Конечно. Неужели вы во мне сомневались? — весело выгнул брови детектив. — Идем, мисс Энн, и будем надеяться, что прекрасная Зельда сегодня решила посидеть дома.

Ругань во двореике перешла в надрывный крик, оборвавшийся хрипом. В наступившей тишине где-то неподалеку отчетливо хлопнула дверь и щелкнул замок.

— Вы уверены, что гулять в трущобах — хорошая идея? — осторожно поинтересовалась я.

Хотя вопли и другие подозрительные звуки не повторялись, в голове уже словно щелкнуло что-то. Верная трость показалась мне слишком легкой, а руки — слабыми. Я почувствовала себя неуверенно. Захотелось вернуться в уютный, безопасный полумрак кофейни.

Машинально я прикинула, сумею ли добраться до нее в одиночку. Идти пешком? Не стоит, определенно... Лучше всего найти кэб или одно из этих новых газолиновых такси, но получится ли? В таком глухом местечке... Таким чужом...

Внезапно накатил густой, иррациональный, не разбирающий целей страх — как в дурном сне.

Здесь не Вест-хилл, где по первому крику на помощь придут «гуси». В трущобах властвует право сильного. Тот же Эллис может со спокойной душой «приласкать» меня бутылкой по затылку, обобрать до нитки, а потом сбросить в Эйвон. И — прости-прощай Виржиния.

Минуточку. Я сейчас действительно заподозрила детектива в том, что он способен убить... меня? Ради жалких пяти хайрейнов?

Здесь точно что-то не то с воздухом. Он питает подозрительность. Если Эллису часто приходится бывать в Смоки Халлоу, то неудивительно, что в адрес Георга прозвучали нелепые обвинения. После нескольких часов на этих улочках поверишь и в злодейство родного дяди.

Нахальная рука решительно сжала мою ладонь и потянула. Чтобы не упасть, мне пришлось очнуться от раздумий и начать довольно резво перебирать ногами.

— Что вы себе позволяете, Эллис? — возмутилась я, едва поспевая за своим проводником. — Отпустите!

Словно в насмешку, сухие горячие пальцы сжались еще сильнее.

— И не подумаю, мисс Энн, — невозмутимо откликнулся детектив, бросая взгляд через плечо. — Если вы потеряетесь здесь, то шеф мне голову оторвет, без всяких угрызений совести. И, ради небес, перестаньте смотреть на меня, как на опасного преступника. Я не собираюсь заводить вас в глухой переулок, чтобы там надру... — Он подавился окончанием слова, кашлянул, и продолжил: — Чтобы там оглушить и ограбить. Убивать вас тоже не собираюсь. И другим не дам. У меня есть револьвер, — добавил Эллис решительно-мрачным голосом.

Я пожалела, что в этот момент не видела его лица. Иногда понять, шутит он или нет, было совершенно невозможно.

— И вы им воспользуетесь?

— Если понадобится — конечно, воспользуюсь. Для того, собственно, и выдается оружие. Мисс Энн, нам сюда.

С этими словами Эллис утянул меня в совсем уж подозрительный переулок. Крыши двух домов смыкались, не пропуская солнечный свет. От одной стены до другой можно было достать, не распрямляя рук. Двое бы еще разошлись, а трое — уже нет. Неужели и в таком

месте кто-то живет?

Внезапно Эллис остановился перед неприметной дверью, по цвету совершенно сливающейся со стеной, и, не щадя ботинок, пнул ее. Выждал с полминуты, вслушиваясь во что-то понятное только ему, а потом тихонько отстучал странный ритм — три удара, тишина, два удара, затем три и наконец один. И — снова пнул с размаху.

Внутри завозились, заскрежетали замки. Дверь приоткрылась — совсем немного... и распахнулась настежь после нескольких мгновений настороженной тишины.

— Зачем пришел? — негостеприимно поинтересовался небритый, до черноты загорелый мужчина, мрачно поглядывая на нас с Эллисом с высоты своего роста. Выше меня почти на голову... И сильный наверняка — мускулы даже под рубахой не спрячешь. Про таких говорят: быку шею свернет. — «Пыльцой» мы не пробавляемся...

— Мать дома? — бесцеремонно перебил его Эллис. — И не надо мне тут заливать про «пыльцу», Бесника у Трупоеда в отлежке видели. Нанюхался и свалился.

— Кто видел? — сощурился джипси, наклоня косматую черноволосую голову.

— А кому надо, тот и видел. Хватит уж вокруг топтаться, Ян. Я по делу пришел. — Детектив бесстрашно шагнул вперед, мимо Яна. Тот и не подумал преграждать ему путь — наоборот, отступил.

— А эта цыпа тоже с тобой? — Мне достался обжигающий взгляд. Я с достоинством поправила вуаль. Пожалуй, шляпку все же следовало взять более простую, неброскую. И Эллис мне не сказал...

— Со мной. И не вздумай руки распускать, — раздался голос детектива уже из дома. — Мисс, не стойте в дверях. Проходите. И побыстрее, — добавил он властно.

Я беспрекословно подчинилась, хотя переступить порог сомнительного жилища мне не хотелось совершенно. Но сейчас не до капризов. Уж не знаю, как умудрился Норманн завоевать уважение джипси, но если такое случилось — неразумно будет мне бросать тень на его репутацию, не подчиняясь приказам, пусть и таким грубоватым. Да и оставаться на улице, одной... Не самое верное решение.

Вдруг с совершенной, кристальной ясностью нахлынуло осознание: я позволила Эллису затащить себя, графиню, *леди*, в самый что ни есть сомнительный притон. Если кто-то узнает об этом — сплетен не избежать. Моя честь, репутация — все под угрозой. И ладно если бы дело ограничилось только общественным порицанием... В делах тоже могут начаться проблемы.

Бабушке, конечно, подобное бы сошло с рук. Но я — не Милдред, а всего лишь ее внучка. Мне нельзя быть настолько безрассудной.

Дверь захлопнулась. Щелкнули замки, закрывая путь к отступлению.

— Эллис?

— Я здесь, мисс, — донеслось из соседней комнаты. — Проходите смело, разуваться не надо, как бы ни сверлил вас глазами Ян. Ничего, приберутся потом.

Глянув исподтишка на мрачно сопящего джипси, я почти усомнилась в совете Эллиса. Но делать нечего, пришлось притвориться, что все в порядке. Тем более что предлагать мне домашнюю обувь Ян и не подумал. Правда, в доме было очень чисто, вопреки ожиданиям, — пол тщательно выметен, стены обиты хорошим деревом. По углам висели странные мешочки, перевязанные цветными ленточками, и травяные веники, от которых исходил необычный, кружащий голову запах. Я почувствовала странную легкость во всем теле. В ушах слабо зазвенело — отголоском чего-то большего.

«Соберись, Виржиния. Не время потакать слабостям».

В комнате Эллис ждал меня не один.

— Явилась, птичка певчая, — насмешливо протянула уже знакомая мне джипси, складывая руки на груди. Здесь женщина явно чувствовала себя гораздо уверенней. Да и выглядела намного опрятней — юбки чистые, почти новые, и очень пышные — штук пять, одна на одной. Яркая блуза, поверх нее — жилет, расшитый монетами. — Никак извиняться пришла?

От резкого тона у меня скулы свело. «Нет», — хотела ответить я, гордо вздернув нос, но Эллис оказался проворнее.

— Тише, тише, Зельда, голубушка. — Он ступил вперед, ловко перехватывая ладонь джипси и запечатлевая на тыльной стороне невесомый поцелуй. Не столько уважительный, сколько насмешливый и... заигрывающий? — Такой красавице гнев не к лицу.

Я вгляделась в лицо гадалки. Глаза темные, блестящие, как сливы, полные губы надменно поджаты. Иссиня-черный локон непокорной змеей падал вдоль лица, оттеняя смуглую кожу — гладкую, почти без морщин, хотя Зельде наверняка было уже за сорок. И чего такого нашел Эллис в этой... этой.

— Ай, Илоро, охальник, — запунцовела гадалка, торжествующе посматривая на меня. Разве что язык не показала! — Знаешь, как старуху осадить... Так зачем ты сюда эту выскочку притащил-то?

— Эта «выскочка», милая Зельда, — сама графиня Эверсан, леди Виржиния-Энн, — хитро сверкнул глазами детектив. — Важная особа.

— И чего эдакая важная особа делает в Смоки Халлоу? — недружелюбно поинтересовалась Зельда. Кажется, она все еще была обижена за юбку.

— На нее вчера напали, — беспечно раскрыл Эллис тайну следствия. — И ты, голубушка Зельда, под подозрением. И чего начала с ней задираться у омнибуса? Юбки жалко? Будто бы я тебя не знаю — сама небось надела, что погрязней. На работу-то! А потом попыталась просто с богатенькой дурочки шерсти начесать. Только вот «дурочка» оказалась умницей... и к тому же с характером. А ты, моя дорогая... — обольстительно улыбнулся Эллис гадалке, — сплеховала. Обиделась, угрозами начала сыпать. Может, и сыновей науськала негодяйку проучить? Или мужей?

— Много чести! — взвилась джипси. — Не было такого. И угроз не было — как увидела, так и сказала. А этой птичке надо было не чирикать по углам, а гордиться, что сама Зельда-гадалка судьбу ей предсказала и ни монетки не взяла.

Детектив откликнулся мгновенно:

— Так это предостережение было? Зельда, красавица, — коварно погладил он ладошку гадалки. — А не расскажешь, что еще увидела? По дружбе... А я забуду, что видел Бесника в отлежке.

— Ай, забывчивый какой, — проворчала Зельда, сердито сверкая глазами. Ну и темперамент — южный, одно слово. — Два хайрейна.

— Пятьдесят рейнов.

— Что?! Да ни в жисть! Что я, себя не уважаю? Хайрейн и восемьдесят.

— Семьдесят рейнов.

— Оскорбительно! За кого ты меня принимаешь?! Полтора.

— Девяносто мелочью, ни рейном больше.

— Вот наглец! Торговая душа! Ну, так и быть — хайрейн.

— По рукам, — хмыкнул Эллис, оглядываясь. — Вы позволите? — и он нахально протянул ладонь за деньгами.

Моими, разумеется.

Честно говоря, в течение всего диалога в душе крепло чувство, что надо мной издеваются. Я ощутила себя простачком-деревенщиной, которого два матерых афериста пытаются обчистить на городской ярмарке. Как будто и этот торг, и диалог уже были отрепетированы множество раз при других персонажах, только суммы различались в зависимости от достатка «простофили».

— Надеюсь, это предсказание будет стоить хайрейна. — Проиригнорировав руку Эллиса, я протянула джипси новенькую банкноту, вкладывая в свои слова и жест столько скептицизма, сколько хватило бы на десяток Виржиний.

— Не сомневайся, пташечка, — сладенько улыбнулась Зельда, и деньги исчезли в складках юбки. — Ну, давай сюда свою лапку. На ладонь взглянуть надобно. Да не эту, левую. Вот ведь дамы-то пошли, эх... Знать ничего не знают.

Поборов легкий приступ брезгливости, я сначала сняла кольцо, потом стянула с руки перчатку. Деть ее было некуда, Эллис мне помогать не торопился, вот и пришлось зажать ее в кулаке вместе с сумочкой.

Зельда, с насмешкой поглядывавшая на мои приготовления, не удержалась и схватила мою кисть сразу, как она освободилась от перчатки.

— Так-так, посмотрим... — Сильный, узловатый палец надавил на ладонь, следуя за изгибами линии. — Горе у тебя, птичка, большое — потеряла человека любимого... Двух... Ай, бедняжка! Трех потеряла и всех любила.

Слабый звон в ушах, преследовавший меня с тех пор, как я переступила порог и вдохнула травяной запах, стал сильнее. Слова гадалки звучали словно внутри моей головы, а в глазах заплясали золотистые точки. Все будто происходило во сне, но мышление оставалось удивительно ясным, логическим. Однако немалых усилий стоило произнести невозмутимо и спокойно, не теряя лица:

— Полагаю, вы имеете в виду моих родителей и бабушку. Пока на хайрейн не тянет — разве что на два рейна, цену свежей газеты. Несколько месяцев назад только ленивый не писал о «горе, постигшем семейство Эверсан».

Гадалка сердито засопела, быстро глянула на Эллиса — он с независимым видом разглядывал безделушки на полках, словно процесс предсказания его не касался и вообще это была только моя инициатива, — а потом продолжила все тем же интимно-доверительным тоном:

— Ну-ка, поглядим, что дальше... Ох, как повезло тебе, пташечка, — друзья у тебя верные, да у каждого свой секрет...

— Это общие слова, — вновь перебила ее я. В ушах звенело уже нестерпимо, до боли, а ноги сделались ватными. — Так вы умеете по-настоящему предсказывать или нет? Если нет, я потребую деньги обратно.

Эллис расхохотался. Я сморгнула — его лицо, находящееся в тени, казалось просто бледным пятном. Золотистые искры заволакивали обзор, оставляя нетронутыми только ближние предметы. В воздухе явственно запахло вишневым табаком и лавандой — совсем как в бабушкиной комнате.

— А птичка-то попалась с характером! Может, она не пташка, а кошка? — веселился детектив. — Ну же, Зельда, не разочаровывай меня. Скажи что-нибудь полезное.

— Что надо, то и скажу! — Она хлопнула по моей ладони — резко и болезненно. — И зачем ты вообще сюда ее привел, сердешный мой? За ней мертвецы вереницей ходят! Вон сколько теней с собой на хвосте принесла — целый день дом окуривать...

Зельда говорила и говорила, яростно, с чувством. А я... Я все меньше понимала, что происходит. Слова едва долетали сквозь ровный гул, в виски словно иглы вворачивали, а пол и потолок точно стремились схлопнуться.

— Ну, Зельда, мне ты когда-то сказала, что я сам гоняюсь за мертвецами, так что ничего удивительного, что мы с этой леди в конце концов встретились... Она мне поможет раскрыть дело «бромлинского коллекционера»?

— Кого-кого? Не знаю таких! — сердито фыркнула Зельда. Я встряхнула головой, прогоняя слабость. Не помогло. — Знаю только, что ежели ты за этой девицей пойдешь, с мертвецом да со слугой мертвецким встретишься! И молись, чтоб они тебя с собою не утащили, дурака эдакого...

— Занятное предсказание... Мисс Энн?... Мисс Энн, вам плохо?

Комната уплыла куда-то... Я сделала шаг — и меня вдруг накрыло волной жара и что-то твердое врезалось в ребра... Неужели обморок? О, только не здесь...

— Да что ж это такое, второй раз уже... Воды, Зельда!

«Надо было позавтракать... После вчерашнего — обязательно», — пришла ко мне первая разумная мысль за утро...

А потом, кажется, я все же лишилась чувств.

* * *

Пришла в себя я на заваленной одеялами и подушками кровати гадалки. Откуда я узнала, что это захламленное ложе принадлежало именно хозяйке дома? Об этом мне, «клятой неженке», громко поведала сама Зельда.

— Вот ведь свалилась на мою голову! Ух, не жрут они, видите ли, пропорцию блюдут, а мне потом возись! Протри уже глаза, хилая морда, хватит валяться, коль проснулась!

Ну, «хилую морду» я спустить уже не могла, а потому села на кровати, выпрямила спину, грозно нахмурила брови... Но не успела сказать ни слова — мне в руки сразу же сунули миску с бульоном.

— Пей давай, дуреха, — буркнула Зельда, подбирая юбки и усаживаясь рядом со мной. Эллис по-прежнему с независимым видом рассматривал полки, ковры на стенах, рисунки на потолке и пряно пахнущие травяные веники по углам. Будто и не случилось ничего особенного — графини у него на глазах, наверное, каждый день в обморок падали. — У нас в доме гости не голодают. И не зыркай глазищами, не отравлю. Хороший суп, Лайзо сам вчерась варил.

— Лайзо? — переспросила я только для проформы, уже смирившись с необходимостью перекусить подозрительным бульоном. Голова по-прежнему кружилась. А запах от миски шел умопомрачительный... или мне так с голоду казалось?

— Лайзо — младшенький мой, — с охотой пояснила Зельда, вскидывая черные, будто насурьмленные, брови. Кажется, мой обморок ее несколько смягчил. Думаю, проснулись материнские инстинкты, о которых писал в своей возмутительной книжке алманец Брейд. — Весь в отца пошел — красавец. Не человек — огонь. Как до сих пор не оженился — не знаю.

— Может, молод? — Я осторожно отхлебнула бульон. Он показался мне вкуснее самых лучших деликатесов Георга. Головокружение потихоньку отступало.

Эллис, приступивший к изучению очередного «веника» на стене, быстро глянул на нас и вздохнул. Ну, конечно, мужчинам такие разговоры не интересны...

«Он в первую очередь не мужчина, а детектив», — подумала я неожиданно и так удивилась этой мысли, что чуть не выронила горячую миску прямо себе на колени.

— Да уж постарше тебя будет, пташечка, — хмыкнула гадалка. Наверняка она заметила мое замешательство, но вряд ли правильно истолковала. — Двадцать шестой годок идет... Ешь, ешь. Нравится? Небось после лордовых-то яств нос воротишь?

Я представила свое поведение со стороны — и почти устыдилась. Если судить по справедливости, Зельда вовсе не обязана была за мною ухаживать. После наших ссор и препирательств это было похоже на шаг к примирению... И не важно, что мне по большому счету нет дела до этой гадалки, а ей — до меня. Эллису отчего-то захотелось нас... подружить? Для чего? Неужели он хочет, чтобы мы общались и дальше? Не только я и Зельда, разумеется... боже, что за ужасное знакомство для леди... но и я и... Эллис?

Эта мысль ошарашила меня настолько, что я поспешила запить ее большим глотком бульона и чуть не поперхнулась.

«Супчик» был вкусным, но слегка... переперченным. Не для моего голодного желудка.

Зельда окинула меня подозрительным взглядом.

— Что вы, мне очень нравится, — уверила я гадалку, чтобы не показаться невежливой. — У вашего сына легкая рука.

Гадалка нахмурилась — и расхохоталась. Ей вторил смех Эллиса, бархатный и пьянящий, словно кофе с ликером.

— Ну, учудила, ну, повеселила, — утирала слезы она. — За это и еще на хайрейн предсказать не жалко.

От неловкости бульон я выпила залпом. Оглянулась в поисках салфетки, разумеется, не нашла и облизнула губы.

— А что смешного в моих словах?

— Ничего, если подумать, — улыбнулся Эллис и уселся в кресле, по-кошачьи щуря глаза. Под пристальным и немного насмешливым взглядом детектива мне захотелось гордо выпрямиться и соорудить чопорное лицо.

Но, к сожалению, сейчас мой облик был далек от аристократического и вряд ли даже самая строгая гримаса произвела бы впечатление на Норманна. Где уж там изображать негодование и холодность, когда на щеках румянец от горячего бульона, юбки смяты да еще и задираются с одного края, а ворот расстегнут...

— «Легкая рука», это ж надо сказануть! Слепа стреляла, да в яблочко попала! Не вздумай так Лайзо в глаза называть, пташечка, — отсмеявшись, посоветовала Зельда.

— Почему? — поинтересовалась я с искренним любопытством.

Но гадалка не ответила. Только передернула плечами и забрала у меня пустую миску.

— Эллис? — обернулась я к детективу. Тот широко улыбнулся.

Неужели все-таки услышу сегодня что-нибудь интересненькое?

— Лайзо по молодости промышлял воровством, — быстро глянув на Зельду, начал Эллис. — Удачливым был, зараза, а еще — смелым и наглым. Сколько таких молодых и нахальных перегорает, хватанув больше, чем полагается, — не сосчитаешь. Но Лайзо по прозвищу Легкая Рука попался всего раз, в четырнадцать лет. И надо же так совпасть — он

попался именно мне... Занятная история тогда вышла.

— Расскажите, — неожиданно для себя попросила я. Зельда, пристроившая миску на шкафу, переходила по комнате от одной связки трав к другой, отщипывала куцые веточки, складывая их в коробочку, ворчала недовольно... Но попыток прервать Эллиса не предпринимала.

Значит, никаких особенных тайн я не узнаю. Скорее всего, выслушаю одну из тех семейных легенд, которые так приятно вспоминать вечерами у камина.

Эллис, словно угадав мои мысли, улыбнулся — уютно и по-домашнему.

— Времени у нас немного, мисс Энн, поэтому пока расскажу только суть. Надеюсь, вы когда-нибудь лично познакомитесь с Лайзо и услышите от него подлинную и наиболее полную версию, — произнес он с неуловимыми нотками сожаления. — Что же до истории... Я в те времена только-только начинал службу и был, пожалуй, слишком рьян. Но понятие «долг перед обществом» толковал по-своему. Серьезных дел мне не поручали, но в грязь на доньшке бромлинского «блюдца» помакали вдоволь, — усмехнулся он собственным воспоминаниям. — И чем дольше я слонялся по улицам, охраняя спокойствие нашего чудесного города, тем больше укреплялся в мысли, что делаю бесполезное дело. Мелкие воришки, побывавшие за решеткой, возвращались на свободе к прежней жизни, а то и скатывались еще ниже. А мне, юному наивному идеалисту, хотелось не просто нести кару преступникам, но и предотвращать новые кражи, убийства... И тогда я видел только один способ, как добиться этого.

— Ввести смертную казнь за любое преступление? — цинично выгнула я бровь.

Зельда только фыркнула, но промолчала, а Эллис сердито тряхнул головой. Пряди легли причудливо, белый цвет почти поглотил черный. В полумраке комнаты детектив на мгновение показался мне седым.

— Не говорите глупостей, мисс Энн, — произнес он с грустью. — Жестокость порождает только жестокость. Многих людей на преступления толкает отчаяние. Голод, болезни близких, несчастная любовь... Нет, мисс Энн, казнями общество не излечишь. Да и вообще город без преступлений — мечта, которой не суждено сбыться. — Он задумчиво опустил взгляд. — Казни — не выход, а каждого перевоспитывать самому — жизни не хватит. Тогда я, конечно, все это понимал. Но желание сделать хоть что-то действительно полезное не проходило. И очень удачно мне подвернулся один воришка. Мальчишка-джипси, умный, ловкий — и совершенно испорченный.

— Вот уж неправда! — не выдержала Зельда. — Лайзо и впрямь у нас баловнем был, но место свое знал!

— Конечно-конечно, — улыбнулся Эллис сердитой гадалке. — Я ничего такого не имел в виду. Просто для меня самодовольный воришка, который к тому же безбожно врет через слово, в свои четырнадцать не умеет читать и не испытывает ни малейшего уважения ни к людям, ни к небесам...

— А это-то еще почему? — опять встряла Зельда, сердито одергивая цветастую юбку.

— Потому что попытка обчистить во время утренней службы копилку для пожертвований в храме — это святотатство, — спокойно пояснил детектив и продолжил: — Между прочим, у многих прихожан в церкви Святого Доминика кулаки тяжелые, а про монахов я и вовсе молчу... Повезло вашему мальчишке, у которого слишком уж ловкая рука застряла в копилке, что я делал обход неподалеку и вовремя заметил, что вот-вот свершится самосуд. У последователей святого Доминика свои порядки, знаете ли... Впрочем, рабочий

люди в Бромли бывает излишне горяч и скор на расправу, но уважение к мундиру имеет, — усмехнулся Эллис. — Итак, я арестовал мальчишку, но отвел его не в Управление, а к себе домой, и выяснив — знали бы вы, чего мне это стоило, мисс, — где жили его родители. Запер воришку, а сам отправился в Стим-энд. И познакомился с удивительной семьей...

— Думаю, вы сильно рисковали, отправляясь в такое место в одиночку, — предположила я.

— С револьвером под плащом и заложником в чулане? — насмешливо уточнил Эллис. — Нет, не слишком. Если желаете, мисс, можете уточнить у красавицы Зельды, правда, она, похоже, до сих пор не любит вспоминать ту мою выходку. А ведь я ничего плохого не сделал. Просто предложил себя в качестве воспитателя для ребенка — вместо того чтобы, как и требовалось, отправить его в тюрьму. Пообещал кормить мальчишку и одевать за свой счет, заняться образованием и досугом — благо мелкая должность в Управлении это позволяла. Сейчас и на себя-то времени не хватает... Впрочем, не об этом речь. Зельда в ответ на мое щедрое предложение только выругалась, а Джеймс чуть было не размазал меня по стенке. Уже позднее я понял, какой было удачей то, что Айрам в это время отсутствовал.

— Айрам и Джеймс — это? — кашлянула я смущенно, уже догадываясь, какой будет ответ. Не то чтобы меня сильно волновало семейное положение Зельды... Всевышний, лучше не думать об этом!

А еще — никак не могли увязаться в моей голове Эллис и подобная благотворительность. Даже если вспомнить, что история эта произошла в его молодые и полные идеализма годы... Впрочем, и я сама — весьма меркантильная особа — взяла на себя добровольно заботу о Мэдди, так что всякие чудеса случаются.

— Айрам и Джеймс? Мужья мои, — с вызовом произнесла Зельда, присаживаясь на кровать рядом со мной. Коробочка в руках джипси была полна сушеными травками до краев, и тонкие пальцы отстукивали по ней нервный ритм. — Ненаглядные, любимые. Айрам-то, правда, вспыльчив без меры. А Джеймс — холодная голова, ума палата — одно слово, аксонец. Это он присоветовал Лайзо в учение отдать и с «гусем» не спорить. Я-то поначалу взбеленилась, а потом-то разобралась, какая удача мальчику привалила. У Илоро на роду написано — жизнь людям менять, — с нежностью посмотрела она на Эллиса.

Я про себя отметила это странное обращение и решила расспросить при случае, почему джипси так зовет детектива Норманна.

— Так уж и менять, — хмыкнул Эллис. — В общем, заручившись согласием почтенных родителей и взяв в компанию старшего сына этого замечательного семейства, Тома, я отправился домой. Там меня ждал весьма злой и невежливый юноша, явно недовольный своим заключением в чулане. Впрочем, услышав от брата наказ матери, воришка быстро растерял свою ершистость и даже изволил сообщить мне свое имя.

— Неужели он так сразу и сдался? — не поверила я. У меня в детстве были друзья, братья-близнецы, сыновья герцогини Дагвортской. Очаровательные мальчишки, но упрямые и проказливые, как маленькие бесенята. И это — молодые джентльмены! Каков же нрав у уличного ребенка?

— Не сразу, но открытого бунта больше не было. Слово родителей у джипси, даже оседлых, — закон. — Эллис покосился на довольно сощурившуюся Зельду. Та кивком подтвердила его слова. — К тому же в тюрьму Лайзо ой как не хотелось. Уж лучше было послушаться некоторое время странного «гуся». Ну и намучился же я с воспитанием

мальчишки! Норов — это еще ничего, но подозрительность из крови не вытравишь. Лайзо даже после встречи с семьей и душевного разговора подозревал меня во всяких непотребствах — мол, зачем это взрослому мужчине понадобилось опекать юного воришку? Но, к счастью, через некоторое время я сумел заручиться его доверием. Н-да, веселое было времечко... — Детектив взъерошил волосы — черные пряди легли поверху, словно разом омоловив его, — и задумался.

— А дальше что? — спросила я, когда пауза затянулась. Зельде-то хорошо, она эту историю знает. Сидит себе, перебирает пальцами травки.

А меня мучило любопытство.

— Дальше? — Эллис вскинул голову, словно очнулся от сна. — Ничего дальше не было. Эксперимент по перевоспитанию с треском провалился. Не под силу человеку перекроить чужую душу... Спустя год Лайзо вернулся домой насовсем. Он перестал воровать, о да. Но, получив образование, воспользовался им весьма своеобразно. Теперь Лайзо — авантюрист и аферист, каких поискать. Действительно неуловимый, — улыбнулся детектив. — И совершенно не по моей части. Впрочем, я даже рад, что нынче работаю по убийствам. Не хотелось бы мне бегать за Лайзо. Да и тяжело было бы видеть своего воспитанника за решеткой.

Зельда вскочила, порывисто взмахивая руками. Лишь чудом травки не разлетелись из коробочки по всей комнате.

— Да прям его поймают! Только ты, Илоро, эдакое сделать сможешь, так ведь не станешь!

— Не стану, — с улыбкой подтвердил Эллис. — Как уже говорилось, я теперь работаю исключительно по трупам. Что возвращает нас к проблеме мисс Энн. Зельда, красавица... — Детектив встал, очутившись нос к носу с Зельдой, и сразу стало видно, что он ниже ее. Я представила себя на месте гадалки — взволнованной, раскрасневшейся, глядящей сверху вниз на Эллиса — запрокинувшего лицо к ней, но все равно властного до мурашек по коже... Сердце застучало волнительно и гулко. — Зельда... Пожалуйста, сделай настоящее предсказание. Ради меня.

— Ну, раз ты просишь, Илоро, — вздохнула она, отступая, и подняла взгляд на меня.

Я словно попала под жаркие солнечные лучи — столько странной силы и мудрости было в черных глазах джипси.

— Настоящее, значит... Слушай, пташечка... — Голос ее стал странно высоким, словно слова с трудом протискивались через горло. — Смерть за тобой по пятам ходит. Ты мыслью предашь, глаза тебя обманут, слова чужие тебя заморочат. Мертвый тебя позовет, но бойся живых. И железа бойся, — хрипло выдохнула она и провела левой рукой по лицу, вытирая испарину.

Я сжала пальцами воротник, сглатывая. В жизни бы не призналась — но слова Зельды меня напугали.

— Благодарю за совет. Постараюсь быть осторожнее, — стараясь не показать охватившего меня волнения, вежливо склонила я голову. Мне стало ужасно неудобно в этом доме, где не было окон и в воздухе пахло травами и пылью. — Спасибо, что уделили мне время, — добавила я светски, быстро и выразительно глянув на Эллиса.

«Ну же, догадайтесь, мистер детектив, уведите меня отсюда...»

Однако он моих знаков не заметил — и, кажется, всерьез задумался над «предсказанием». Глупость несусветная — полагаться в расследовании на туманные слова и

потустороннюю чушь! Впрочем, многие талантливые люди суеверны, а в том, что Эллис был талантлив, сомневаться не приходилось.

А вот Зельда мой мимолетный взгляд перехватила и истолковала совершенно правильно.

— По делам торопишься, пташечка? — хмыкнула она, комкая в ладони ткань юбки. —

Неужто уже здорова совсем?

Воспоминание о позорном обмороке заставило меня почувствовать смущение.

— Ничего особенного не произошло, поверьте, — улыбнулась я Зельде как можно непринужденнее. — Со мной подобное часто случается. Слабое здоровье, я полагаю.

Гадалка отчего-то обрадовалась.

— Так и знала! — подскочила она ко мне, держа перед собой коробочку с крошечными травами и листиками. — Угадал Илоро! Вот, держи уж, дуреха, — она решительно вложила мне коробочку в руки. Я отшатнулась. — Для таких вот, как ты, нескладух слабеньких — самое то будет. По утрам заваривать будешь по щепотке на стакан, пить натощак — и через месячишко и думать про свои выкидоны забудешь! Ты не думай, это не отравка, — усмехнулась она. Наверное, уж слишком скептическим было выражение моего лица. — И не дурь. Просто травки полезные. Моя бабка в них толк знала и меня обучила. Бери уж! — толкнула она коробочку ко мне.

«Легче уступить, чем доказать, что оно мне не нужно», — вздохнула я про себя, а вслух спросила почти обреченно:

— Сколько с меня, уважаемая Зельда?

А джипси неожиданно улыбнулась — как-то по-особенному загадочно и мудро:

— Свои люди — сочтемся. Да и вообще, полезно это — когда сама графиня у меня в долгу.

Эллис рассмеялся, очнувшись от раздумий:

— Зельда, таких хитрюг, как ты, поискать нужно! Но на этот раз, поверь, зверюшка тебе не по зубам. Мисс Энн — не безмозглая великосветская пташка, а настоящий делец с цепкой кошачьей хваткой. Вся благодарность, на которую ты можешь рассчитывать, — пара хайрейнов, — и он беззаботно махнул рукой. Я растерялась, не зная, принять ли его слова за комплимент или за оскорбление. В конце концов, в первую очередь я все же леди, а не торговка! — К слову о рейнах, Зельда. Не вздумай даже пытаться шантажировать нашу графиню визитом в твою скромную обитель. Все, что грозит мисс Энн в случае разоблачения — это порицание со стороны общества. А вот тебя, милая, пристроят где-нибудь на дне Эйвона вместе с мужьями и детьми. — Взгляд Эллиса стал чертовски тяжелым. — И никакое колдовство не поможет.

Гадалка упрямо скрестила руки на груди и поинтересовалась с насмешкой:

— И о ком ты хлопочешь — обо мне или о ней?

— О себе, — без улыбки ответил Эллис. — И о своей карьере. Мне нравится работать в Бромли и вовсе не хочется переезжать из-за скандала куда-нибудь в провинцию. Идем, мисс Энн. — Он подал мне руку, помогая подняться. — Позвольте...

Прежде чем я успела запротестовать, Эллис потянулся к расшнурованному воротнику и ловко затянул завязки, щекотнув пальцами шею. Щеки тут же предательски заалели. А детектив, не обращая внимания на это, опустил на колени и одним движением расправил замявшиеся юбки.

— Что вы себе позволяете? — возмутилась я, наконец-то совладав с языком. И отступила, глупо и смущенно прижимая к груди коробочку с лекарством.

Эллис вскинул голову, насмешливо глядя на меня снизу вверх.

— Всего лишь привожу в порядок вашу одежду, чтобы ни у кого не возникло ненужных подозрений. Это не стоило мне больших усилий, поэтому прошу — не благодарите. — Бледно-розовые губы изогнулись в улыбке.

Я заглянула в чистые, искренние глаза Эллиса и поняла, что не могу сердиться на это бесцеремонное существо. Даже тогда, когда детектив делает что-то выходящее за пределы привычного поведения.

— Вы очень любезны, — произнесла я нарочито чопорно, как будто мы были на званом ужине у королевы, а не в сомнительном притоне где-то на дне Бромли.

Норманн хмыкнул, оценив шутку, и поднялся на ноги. Зельда подала мне перчатки, шаль и шляпку. Минута — и я уже была готова к выходу. К счастью, до дверей нас провожала сама гадалка, а не ее жутковатый сын. Занятное семейство, что ни говори... Любопытно было бы взглянуть на мужей Зельды. «Какие отношения у них? Как вообще можно жить втроем?» — мысленно задалась я вопросом, но сразу же одернула себя.

Нет уж, пусть меня и нельзя назвать примерной прихожанкой, но интересоваться подобными вещами, открыто порицаемыми церковью, для леди неприемлемо, и точка. Легче сделать вид, что этого нет.

Но, видят небеса, как же любопытно!

Уже у порога Эллис неожиданно остановился и обернулся ко мне со словами:

— Мисс Энн, подождите пару минут здесь. Я проверю, на месте ли кэб, который искал для нас Ян.

И сбежал, оставив нас с Зельдой наедине.

Честно говоря, без Эллиса с его револьвером я почувствовала себя в этом доме в три раза неуютнее.

— Вернется он, не бойсь. — Зельда окинула меня понимающим взглядом. Мне подумалось, что гадалки иногда бывают отвратительно проницательными. Наверное, без этой черты облапошить недоверчивого обывателя сложновато.

— Я не боюсь. У меня есть причины доверять мистеру Норманну, — с достоинством произнесла я, скрывая досаду. Жаль, что на самом деле «причин» все-таки не было, если не считать симпатию и робкое, ничем не подкрепленное чувство восхищения. Эллис привлекал меня своей необычностью, живостью, эмоциональностью. Но доверие между нами еще не зародилось.

— Ох, деточка, деточка... — вздохнула Зельда, покровительственно глядя на меня. — Тоже мне, надумала — доверять. Думаешь, тебя первую он сюда приводит? За одиннадцать-то годков кого мы только не повидали. И лордов знатных, и богачей... А то и наоборот бывает: из бедняков, воришек-бродяг кого-нибудь вытащит в люди! Он все балуется, с душами играет, даром, что зовем его Илоро, Сердечко. Любопытный он. Все ему интересно, как себя человек покажет, ежели его из родимого дома в самую пучину кинуть. Да и каждому он пучину по характеру выбирает, — вздохнула Зельда. Мне стало не по себе от ее слов. Уж слишком они совпадали с моими собственными наблюдениями. — Люди это чувствуют нутром и боятся. Да только как перед ним устоять, перед Илоро нашим, если он на тебя смотрит, как на чудо чудное, и ходит вокруг тебя, словно кот...

— Чувствуешь себя центром этого мира, — неожиданно вырвалось у меня. — Как будто все вокруг происходит только для тебя... Вы это имели в виду? — закончила я скомканно. Конечно, можно найти язык с любым человеком, это мне по опыту известно, но пока с

Зельдой у нас почему-то не складывалось. Слишком уж непонятной она была — то грубая, то заботливая, то необразованная джипси, то доморощенный философ.

— Это, это, пташечка, — задумчиво кивнула она, щуря черные глаза. — Я-то, старая, многое вижу. Мы для него — игрушки, наиграется и бросит. А «игрушки»-то живые. Привыкают к тому, что Илоро вокруг них ходит, только что в рот не заглядывает. А потом вдруг разом заскучает — и поминай как звали. К старым своим игрушечкам ни в гости не зайдет, ни словом не перемолвится. А больней всего знаешь что? — Она придвинулась ко мне, словно заглядывая темными очами прямо в душу. — Как он смотрит. Когда играет — как на образ святой. А потом оглянется — и мороз по коже: насквозь глянул, как на пустое место. Вот тут-то и заболит сердечко... Да что я тебе рассказываю, — вздохнула она, отступая и приваливаясь спиной к стене. — И семи дней не пройдет — сама увидишь.

Я поправила шляпку, стараясь справиться с головокружением. Нет, непременно буду пить эти травы — хватит уже после каждого вдоха терять сознание!

От предчувствия чего-то нехорошего, чего-то гадкого свербело в груди. И от понимания, что вряд ли наше общение с Эллисом продлится после того, как завершится расследование и преступник будет пойман, легче не становилось. В конце концов, кто такой Норманн и кто такая я? Простому детективу рядом с графиней не место... Да и не интересен он мне в романтическом смысле. А то пугающе-сладкое ощущение направленного внимания... Как там сказала Зельда — «смотрит, будто на святой образ»? Вот подобного мне и будет не хватать.

Пускай его внимание надуманное, ложное, проистекающее только из того, что я — внучка леди Милдред Эверсан. Все равно — слишком дорогого стоит...

— Уважаемая, — тихо окликнула я Зельду. — А зачем вы это мне рассказываете? Получается, вы сами настраиваете меня против мистера Норманна. Зачем?

Гадалка неожиданно смутилась.

— Вина на мне, — призналась она, комкая в кулаке юбку. — Не люблю смерть предсказывать... Как будто сама и навешиваю. Вот и думаю: если перестанешь везде с Илоро ходить, может, и мимо костлявая пройдет. Он-то везде вывернется, на четыре лапы упадет... А, что говорить, дурь это все, от безделья! — решительно оборвала себя Зельда, расправляя замятый подол. — Будь что будет.

Я хотела спросить еще что-нибудь про Эллиса, например, почему его называли именно «Сердечком», но тут в дверь замысловато постучали.

Детектив вернулся.

— Кэб ждет, — по-лисьи улыбнулся Эллис. — Он доставит нас до торгового района Вест-хилл, а не прямо до вашего дома — незачем вознице знать, что в пассажирках у него графиня. А там уж сядете на омнибус или поймаете другой кэб и спокойно доберетесь до родных стен. Я же прямо из Вест-хилл отправлюсь по делам. Неплохой план, да, мисс Энн?

— Вы даже меня не проводите, как джентльмен? — ответила я вежливо, радуясь, что вуаль прячет разочарованное выражение глаз.

— О, я бы с удовольствием, но времени нет совершенно, — развел руками Эллис. — До встречи, Зельда! Как-нибудь потом зайду в гости, а тебе желаю, наоборот, подольше не навещать Управление!

— Вот охальник! — хохотнула гадалка. — Доброго пути. А тебе, пташечка, удачи.

— Благодарю. Всего доброго, — вежливо попрощалась я и поспешила за Эллисом, пока тому не пришла в голову какая-нибудь дикая идея — например, опять схватить меня под

локоть и потащить за собой, точно лодку на буксире.

Кэб был старый, разбитый и скрипучий — сразу видно, что он обслуживал не самые богатые районы. Зато шум от несмазанных колес заглушал беседу, и возница наверняка ничего не слышал. Я поспешила воспользоваться этой возможностью, чтобы поговорить с Эллисом.

— Зачем вы возили меня туда? — поинтересовалась я. — Только для того, чтобы я помирилась с гадалкой? Или хотели посмотреть, как поведет себя леди рядом с суеверной джипси? Оговорюсь сразу, предсказание меня не впечатлило. Ничего конкретного, зато много пугающих образов. Может, для ярмарочных гуляк и сойдет, но не для...

— ...такой скептической особы, как вы? — насмешливо выгнул бровь Эллис, отворачиваясь от окна. — Впрочем, верить или нет — исключительно ваше дело. Но лично я бы все-таки принял к сведению предостережения Зельды и непременно воспользовался ее лекарством. Вреда от него не будет — судя по всему, это какое-то укрепляющее снадобье, а в лечении травами Зельда разбирается.

— Зачем вы отвезли меня к ней? — проявила я упорство, повторяя вопрос вновь. Пусть отвечает прямо. О манере Эллиса уходить от ответа, уводя разговор в сторону, я за сегодняшнее утро получила достаточно четкое представление.

— Просто так, — пожал он плечами. — У Яна неплохие связи на темной стороне нашего благословенного Бромли. Я всего лишь хотел воспользоваться ими, чтобы уточнить — не поступало ли в последнее время заказов на убийство некой прелестной леди. А решение отвезти вас в Стим-энд и показать Зельде было спонтанным. Мне показалось, вы прекрасно уравновесите друг друга, — бросил он на меня озорной взгляд.

— То есть вы просто пожелали встретиться с информатором? — правильно истолковала я слова, игнорируя подколки Эллиса. — Логично.

— Детективу логика необходима, мисс, — улыбнулся он и отвернулся к окну. Больше до самой площади мы не обменялись ни одним словом.

А там, на оживленной улице, Эллис распрощался небрежным кивком и ускользнул по своим делам, предоставив мне самой искать кэб или омнибус. К счастью, в торговом районе недостатка в транспорте не было.

Время приближалось к трем. «Опаздывать так опаздывать», — лихо решила я и велела отвезти себя к дому. Там хорошенько пообедала, переоделась с помощью Магды в новое платье — модное и дорогое, пусть и черное, распорядилась написать еще одно напоминание Хаммерсонам о долге и нанять нового шофера-механика, выбрала из коллекции шляпок самую роскошную, перехватила покрепче трость — и отправилась в кофейню, наконец-то чувствуя себя леди.

К моему огромному удивлению, «Старое гнездо» было переполнено. И это в четыре часа! Обычно столики занимают к семи, а то и к восьми. Исключение составляют зимние и весенние праздники, а также юбилей коронации. Но чтобы в обычный день, посреди недели...

— Леди Виржиния! — порывисто подлетела к дверям миссис Скаровски и попыталась меня обнять. Я как можно непринужденнее отступила в сторону, чтобы не обидеть экзальтированную поэтессу, и свела объятия к простому прикосновению — слишком уж неожиданным и бурным был ответ на мое появление. — Какое счастье, вы живы!

Ну и приветствие! Я даже несколько растерялась.

— Добрый вечер, миссис Скаровски! — У меня едва нашлись силы улыбнуться

дружелюбно и оглядеться в зале. Похоже, сегодня собрались все постоянные посетители! От знакомых лиц в глазах рябило. Полковник Арч с сыном, ла Рон, вдова Риверленд, Эрвин Калле — на сей раз, кажется, без спутницы... И все взгляды были устремлены на меня. Я в одно мгновение ощутила себя звездой театра под ярким светом ламп, и это ощущение нельзя было назвать приятным. — Добрый вечер, господа! Рада видеть вас в «Старом гнезде». Не подскажите, по какому поводу мы собрались сегодня все вместе? — попыталась я завязать шуточный разговор, но журналист разбил мои планы.

— Празднуем ваше второе рождение, леди! — воскликнул он, выходя из-за столика и решительно направляясь ко мне.

Поэтесса тем временем недовольно оглядела посетителей — и тут же сразу несколько джентльменов, получив уколы булавками от своих жен, поднялись вслед за Луи. Я и охнуть не успела, как очутилась за столом с чашкой кофе в руках, а мои трость, шаль и сумочка перекочевали на вешалку.

— Второе рождение? Что вы имеете в виду? — непринужденно поинтересовалась я, уже предчувствуя ответ.

— Конечно, ваше чудесное спасение из лап отвратительного убийцы! — с энтузиазмом воскликнул Луи. Эллис как в воду глядел — наверняка завтра выйдут газеты с кричащими заголовками... Только этого не хватало! При такой волне внимания к моей персоне вполне может всплыть на поверхность сегодняшний визит на дно бромлинского «блюдца», что было бы совсем некстати. — Ну же, леди Виржиния, мы жаждем подробностей! — громко и немного фамильярно провозгласил он, и в кофейне заскрежетали придвигаемые к столу стулья.

«Вот что чувствуют, оказывается, львята в зоопарке», — подумала я, оглядывая из-под ресниц ближний круг из любопытных дам и внешний — из джентльменов, которым не хватило места за столом.

— Чтобы рассказать подробности, мне нужно знать, что уже вам известно, — улыбнулась я и сделала маленький глоток очень крепкого и сладкого кофе. Лимон, корица и, кажется, капелька ликера — думаю, свою чашку мне уступила поэтесса.

— Не так уж много, — развел руками ла Рон, сверкая из-за очков взглядом прожженного писаки, знающего все и обо всех. — Мой друг из Управления шепнул мне кое-что. По секрету, разумеется.

— Так уж и по секрету, — насмешливо и манерно протянул Эрвин, машинально оглаживая пальцами плечо сидевшей перед ним леди. Леди, невеста виконта Ричарда Брейвхарта, между прочим, будто бы и не заметила этого, но порозовевшие скулы выдавали ее чувства.

Доиграется когда-нибудь художник, чует мое сердце! Он-то сам не замечает, как начинает флиртовать с дамами, и значения этому не придает, а некоторые лорды могут быть на диво злопамятными и ревнивыми. И глупые дамы, принимающие привычку за знак внимания и приглашение к интриге, этому немало способствуют.

— Если это секрет, то почему о нем знает половина Бромли? Лучшая половина, конечно, — дразня почтенную публику, потянула я время.

— Как-то само вышло, — усмехнулся Луи. — Словечко здесь, словечко там, небольшая заметка в утренней газете... Знали бы вы, сколько мороки было с переделкой выпуска в последний момент! Но слава небесам — успели и теперь все затраты окупились сторицей... Однако мы жаждем услышать историю из первых уст, леди!

Глядя в горящие от нетерпения глаза моих гостей, знакомых и почти родных уже, я смирилась с неизбежным и начала рассказ:

— Пожалуй, все слышали шутку о том, что когда кто-то из Эверсанов не в духе, то лучше не попадаться им под горячую руку, особенно если в этой руке чашка с горячим кофе, бронзовая статуэтка или тяжелая трость. Но, кажется, с прошлого вечера это уже можно не считать всего лишь шуткой. Так случилось, господа, что вечером я возвращалась одна...

Расходиться почтенная публика начала только ближе к полуночи. К тому времени я уже порядком устала. Вот ведь неприятность, за весь день даже словом не перемолвилась ни с Георгом, ни с миссис Хат, ни с Мэдди... А они наверняка переживали за меня после той газетной статьи. Да, там не было ничего особенного — действительно, никаких подробностей, но уже самого факта вооруженного нападения хватило, чтобы взволновать общество.

В парламент сразу же поступило предложение увеличить финансирование для Министерства внутреннего порядка. В ответ посыпались критика и предложения «работать за совесть, а не за рейны» — мол, тогда и преступность будет ниже. «Гуси» и генералы совершенно справедливо возмутились, пошли прения, споры, кто-то под шумок попытался продавить свои интересы...

Словом, все, как обычно. Политика — грязная и запутанная игра, но всегда найдется кто-то, кому захочется воспользоваться моментом. У некоторых даже получается.

Закрыв дверь за последним гостем и защелкнув задвижку (нападение сделало меня осторожной), я прошла в кухню — и тут же попала в крепкие объятия миссис Хат, пахнущие мятой и ванилью.

— Ох, леди Виржиния, леди Виржиния... — пробормотала кондитерша. Я почувствовала, как в то же время вокруг моей талии обвиваются хрупкие тонкие руки Мадлен, а в лопатки утыкается горячий лоб.

Георг стоял на пороге и смотрел на нас. Между бровей у него залегла тревожная складка.

— Только не говорите: «Я же предупреждал вас, леди Виржиния», — слабо улыбнулась я, высвобождаясь из объятий. Миссис Хат хлюпнула носом и вытащила желтый платок. Щеки и глаза у нее покраснели, фигура погрузнела, словно бодрая Роуз состарилась за один день на десять лет. Мэдди лианой обвилась вокруг меня, пристраивая голову на плече. Бедная девочка, представляю, как она перепугалась, увидев утреннюю газету. Ведь я прихожусь Мадлен и вместо матери, и вместо старшей сестры...

— Не стану, — вздохнул Георг, переминаясь с ноги на ногу и отводя взгляд. Мастер, кажется, чувствовал себя очень неловко. — В случившемся есть и моя вина. Я должен был настоять на кэбе или довести вас до дома. Но больше такого не повторится. Сегодня кэб уже ждет. Мы вместе доедем до особняка, и только передав вас с рук на руки прислуге, я успокоюсь и отправлюсь домой.

Мэдди отстранилась и, нахмутив брови, начала бурное объяснение — жестами и знаками.

— Стой-стой! — запротестовала я, чувствуя себя слишком усталой, чтобы разгадывать сейчас ее пантомиму. — Возьми альбом, милая, и напиши... Пожалуйста.

Мадлен растерянно кивнула и быстро побежала на второй этаж за письменными

принадлежностями.

— Ох, леди Виржиния, ну почему же с вами такое происходит? — всхлипнула миссис Хат беспомощно. — За что вас небеса так невзлюбили? И родителей прибрали, и леди Милдред, упокой Господь ее душу, а теперь и на вас напасть навалилась... Ох, леди Виржиния...

— Не волнуйтесь, миссис Хат, — тепло улыбнулась я, забрала у кондитерши платок и сама вытерла бегущие по ее обвислым щекам слезы. — Все же хорошо закончилось. Обещаю, поговорим об этом завтра, а сейчас я до безумия хочу спать...

— Да, да, девочка моя, — растроганно пробормотала она, подслеповато щуря глаза. — Мэдди?

Мадлен и вправду успела уже вернуться и теперь гордо демонстрировала мне единственную запись на альбомном листе, сделанную аккуратным округлым почерком:

«Я буду спать на коврике у вашей двери».

— Полагаю, спорить с тобой бесполезно? — Моя улыбка сделалась рассеянной. В глазах уже двоилось от усталости. — Так?

Мэдди радостно кивнула. Георг ничего не сказал, но я чувствовала, что решение Мадлен он одобряет, и сам не против сторожить меня целыми днями, но прекрасно знает, что я этого не позволю.

А Мэдди можно все.

— Но никаких ковриков, милая, — с трудом подавила я зевок. — Прикажу слугам приготовить соседнюю спальню... Простите, сегодня был трудный день, я совершенно вымотана. Мэдди, ты не поможешь мне?...

Девочка, которая, кажется, искренне боялась, что я запрещу ей ночевать в особняке, радостно кивнула, тряхнув рыжими кудряшками, и метнулась за шалью и тростью.

— Георг, вы проводите потом миссис Хат? А завтра, обещаю, мы обязательно поговорим о том, что случилось...

— Да, леди Виржиния, конечно, — кивнул Георг, пока Мадлен расправляла на моих плечах шаль. — А сейчас наша общая забота — доставить вас в целости и невредимости до особняка.

— Не стоит так волноваться, не думаю, что преступник повторит... — начала я говорить и осеклась.

Георг распахнул дверь и сейчас придерживал ее, чтобы мне удобно было пройти. Но отнюдь не мрачная ночь опасного Бромли заставила меня замолчать.

В свете фонаря над порогом я отчетливо разглядела царапину на руке Георга — от запястья до указательного пальца.

Совсем свежую царапину...

— ...повторит нападение.

Самым трудным в моей недолгой жизни оказалось это — замаскировать неловкую паузу зевком и устало закончить фразу как ни в чем не бывало.

Если я поняла все не так — потом мне будет очень-очень стыдно перед Георгом. Но если права... Гадалка сказала мне: «Глаза тебя обманут». Я всегда видела Георга своим другом, почти родичем. Неужели я ошибалась?

Кэб был большим, четырехместным и слегка старомодным. Мы с относительным удобством разместились на жестких сиденьях. Я рядом с Мэдди, Георг — с беспрестанно шмыгающей носом, всхлипывающей и терзающей платок миссис Хат. Кружная дорога до

особняка заняла едва ли больше четверти часа, но и за этот краткий срок чувствительная Роуз успела не единожды уверить меня в том, как «все мы любим вас, леди Виржиния, и желаем вам только добра». В другое время я умилилась бы и сама вытерла старушке слезы своим платком, но день отнял слишком много сил. Очень хотелось очутиться поскорей в тишине и покое родного дома, подальше от всяческих тайн и подозрений. Я благодарно улыбалась миссис Хат, стараясь поддерживать с ней успокоительную беседу, но мой взгляд против воли вновь и вновь возвращался к Георгу. Мне казалось, что кольцо на пальце, массивная серебряная роза, тяжелело и раскалялось, а злополучная царапина точно светилась в темноте.

К счастью, Георг не замечал моих терзаний, погруженный в собственные тревожные раздумья.

На пороге особняка нас встречала обеспокоенная и растерянная Магда во главе целой делегации прислуги и двое мужчин в форме Главного управления. Я ощутила приступ раздражения. Неужели еще какие-то проблемы? Кто, интересно, распорядился вызвать «гусей»?

Магда шагнула было ко мне, просияв радостью, но дворецкий Стефан молча нахмурил седые брови и придержал ее. Молча. «Гуси» сверлили меня внимательными взглядами, также не думая начинать беседу.

— Доброй ночи, господа, — вежливо кивнула я, скрывая досаду и надевая маску радушной хозяйки. — Чем обязана визиту? — добавила, обращаясь на сей раз уже не ко всем, включая перетаптывающихся с ноги на ногу слуг, а только к «гусям».

Тот из них, что выглядел моложе напарника, но, судя по значку на форменной куртке, уже дослужившийся до высокого чина, шагнул вперед и поприветствовал меня светским поклоном:

— Доброй ночи, леди Эверсан. Мы прибыли из Управления по указанию мистера Хоупсона, чтобы обеспечить вашу безопасность на время расследования. Видите ли, детектив Норманн считает весьма вероятным, что нападение может повториться, — произнес он внушительно, стараясь поддерживать суровый, сухой тон. Но я сразу почуяла в его голосе волнение. Наверное, это было первое задание для «гуся» в новом качестве, и он хотел выполнить все в совершенстве, а потому совершал множество мелких ошибок: не поприветствовал леди первым, не назвал себя, обратился ко мне как к новоиспеченной супруге лорда, а не как к урожденной графине...

Усталость меньше всего располагала к доброжелательным беседам со стражами порядка, тем не менее воспитание взяло верх.

— Благодарю за заботу, мистер... — Я сделала значительную паузу и улыбнулась.

— Мистер Кларк, — спохватился «гусь», едва заметно краснея. Куцые усы и форменное кепи, низко надвинутое на глаза, вероятно, должны были придавать молодому человеку значительности, но, скорее, добавляли комичности. Возможно, причина крылась в нежном возрасте — вряд ли «гусь» был намного старше меня. — Моего напарника зовут мистер Шиманн.

Краснолицый и одутловатый Шиманн вежливо приподнял кепи и снова вперил бессмысленно-рыбий взгляд в пространство.

— Благодарю за заботу, мистер Кларк, вас и вашего напарника. От меня требуется какое-либо содействие? Возможно, мне следует как-то ограничить свои передвижения или хотя бы заранее уведомлять вас о визитах? — предположила я, не понаслышке знакомая с методами

охраны.

После пожара, который унес жизни моих родителей и серьезно подорвал бабушкино здоровье, люди из Городского управления спокойствия сопровождали нас с леди Милдред во всех поездках. Еще бы, ведь поговаривали, что с камином в усадьбе Эверсанов было все в порядке, а к поджогу приложил руку кто-то из наших недоброжелателей... Бромли — город, построенный на пепелище. Он не единожды выгорал полностью — во время войн и эпидемий, бунтов и народных волнений. Уж слишком сильно любят аксонцы хвататься за факел, когда словами доказать ничего нельзя.

— Хм, — значительно сказал Кларк и машинально потер переносицу жестом робкого книжного юноши. — Содействие... Пожалуй, это будет нелишним. Мы собирались ограничиться наблюдением издали, чтобы не нарушать ваши планы, леди Эверсан, но с благодарностью примем любую помощь, которая облегчит нашу работу, — витиевато согласился он с предложением, вновь перепутав обращение. Похоже, книг этот мистер Кларк читал достаточно, чтобы сойти за человека образованного, но вот в свет выходил редко... если вообще выходил. — Насколько сие возможно, не покидайте особняк, не предупредив меня или офицера Шиманна, по вечерам не отсылайте слуг.

Я досадливо поморщилась: по давней традиции Валтеров большая часть прислуги уходила ночевать в город. В левом крыле особняка оставались только горничная и дворецкий, а во флигельке — садовник с мальчишками-подмастерьями.

— Запирайте на ночь дверь спальни изнутри, а ключ оставляйте в скважине. Не открывайте, пока не удостоверитесь, что человек за дверью не представляет опасности... Впрочем, это все формальности, — поспешил успокоить меня «гусь», приняв подавленный зевок за признак испуга. — Не извольте беспокоиться, леди Виржиния, — наконец-то обратился он правильно. — Лично мое мнение — детектив Норманн, по обыкновению, проявляет излишнюю... — Он замялся.

— Предусмотрительность, — подсказала я с улыбкой. О, да, это в характере Эллиса. — Думаю, она происходит от его печального опыта, безусловно, богатого... — Тут я осеклась, потому что брови мистера Кларка поползли вверх. Целая секунда ушла на то, чтобы осознать — с моих губ сорвалось имя детектива, а не обыденное «мистер Норманн». Я похолодела: не хватало еще так, походя, испортить свою репутацию из-за глупой оговорки от усталости. — Что ж, тем не менее я последую вашим советам, господа, и буду соблюдать осторожность, — продолжила я чуть более громко, чтобы отвлечь внимание от своей оплошности. — Спальню я запру и до рассвета не открою, а вот традиции, пожалуй, нарушать не стану. Стефан, — тепло обратилась я к дворецкому. — Позаботьтесь о том, чтобы все слуги благополучно добрались к себе домой. Если кто-то не желает возвращаться в темноте, то может остаться в левом крыле. Магда?

— Да, леди Виржиния, — присела она в неловком официальном реверансе и взволнованно посмотрела на меня снизу вверх.

— Приготовь спальню и прочее, как обычно. Мистер Кларк, мистер Шиманн, — кивнула я «гусям», — еще раз благодарю за заботу. Вы, полагаю, останетесь снаружи особняка? — как бы между прочим спросила я, надеясь, что мне не придется принимать незапланированных визитеров. Конечно, их можно было бы разместить в гостиной или в крыле прислуги, но пользы от такой охраны...

— Вы правы. Не смеем навязывать свое общество, — высокопарно заявил Кларк, пунцовея, как майская роза. Магда, взглянув на него, поперхнулась смешком. — Но прошу

вас не беспокоить: место, откуда мы будем следить за особняком, совсем недалеко, при необходимости мы придем на помощь в течение одной минуты.

— Замечательно. — Я с трудом сдержала зевок и вновь наградила всех присутствующих благожелательной улыбкой хозяйки кофейни. — Позвольте еще раз выразить свою благодарность... — Маленькая, но выразительная пауза. — Время позднее, господа.

К счастью, больше намеков не понадобилось. «Гуси» откланялись и отправились в таинственную «засаду», издали хранить наш покой. Слуги под руководством Стефана быстро разошлись. Кто-то вернулся в особняк, кто-то предпочел переночевать у себя дома. У самых дверей я распрощалась с Георгом и миссис Хат, взяв с кофейного мастера клятвенное обещание доставить кондитершу домой в целости и сохранности. Она напоследок обняла меня, а Георг еще раз попросил быть осторожней и не открывать двери комнаты, не убедившись, что за ними нет злоумышленников.

Все это время Мэди тенью стояла у меня за спиной, держась за юбку. Казалось, девочка о чем-то напряженно раздумывала, и эти мысли ей не нравились.

В спальне меня поджидал неприятный сюрприз.

— Здесь кто-то курил? — с подозрением поинтересовалась я, принохаясь. Магда с огорченным видом размахивала полотенцем. Окна были открыты настежь.

— Ваша спальня была закрыта, мисс Виржиния, и никто не входил, — чуть ли не всхлипывая, откликнулась горничная. — Небом клянусь!

Трепетное отношение к неприкосновенности именно этих комнат объяснялось просто — я частенько работала с документами не в кабинете, а здесь, в спальне. По моей просьбе рядом с окном установили письменный стол, а в стену врезали сейф для бумаг. Ключи я постоянно носила с собой, а дубликат хранила в шкатулке для швейных мелочей среди мелкого железного хлама. Плохая страховка от воров, но дома на Спэрроу-плейс никогда не грабили.

Что ж касалось прислуги, то никто из домашних не переступал порога спальни в мое отсутствие. Разве что Магда, когда убиралась.

«Так откуда же запах?...»

— Я верю, что ты не виновата, Магда, — вырвался у меня вздох. — Оставь. Приготовь лучше другую спальню, одну из гостевых или ту, которая принадлежала леди Милдред. Здесь спать невозможно, завтра встану с мигренью.

— Леди Виржиния, вы не сердитесь? — немного опасливо спросила Магда и шагнула к двери, на ходу складывая полотенце.

— Не сержусь, — нетерпеливо махнула я. — Магда, будь добра, займись делом. У меня был тяжелый день...

Кто там надымил трубкой в спальне или, что вероятнее, кто оставил открытым окно, через которое налетел дым, было уже неважно. Усталость за день накопилась невероятная. Пересилив себя, я постаралась вникнуть в ответ Хаммерсонов, в котором глава семейства вновь просил об отсрочке платы. Положение было нелегкое. Миссис Хаммерсон только-только оправилась от родов, с наличными деньгами в доме было негусто... Вот же послало небо арендаторов! И как отец со всем этим справлялся? У него плату не задерживали ни разу, чувствовали, что малейшее нарушение сроков — и вся семья на улице окажется.

А я не могла выгнать несчастных фермеров с участка, зная, что тогда бездомными окажутся ослабевшая после родов женщина с младенцем на руках и трое малолетних детей.

Похоже, придется дать еще отсрочку. Но если и осенью мистер Хаммерсон не найдет

денег, надо будет расторгнуть контракт. Пусть отправляет жену с детьми к родственникам, а сам ищет работу по способностям, если уж справиться с фермой не может. А мне нельзя заниматься подобной благотворительностью, если я хочу, чтобы Эверсаны и дальше преуспевали. Раз проявишь слабину — все время на шею будут садиться...

Мэдди тронула меня за плечо. Я вздрогнула, и листочек с черновиком предупреждения спланировал на ковер.

— Что такое, дорогая? — устало спросила я, потирая виски. Надо же, чуть не заснула в кресле...

Мадлен ловко наклонилась за упавшим черновиком, забрала у меня остальные бумаги и с решительным видом сложила обратно, в обитую кожей шкатулку для документов. А потом развернулась и, пылая праведным гневом, состроила такую физиономию, что даже сонливость у меня отступила.

— Считаешь, что я веду себя неправильно?

Она закатила глаза, потом обличающе ткнула пальцем в шкатулку, в меня и прикрыла ладошками лицо.

— Слишком много работаю с письмами? — Мэдди истово закивала, бурно жестикулируя. — Мадлен, милая, если я оставляю это на управляющего, то Хаммерсоны в два счета окажутся на улице. Он не будет размышлять, а просто найдет более надежных арендаторов...

Мэдди фыркнула и сложила руки на груди. Под деланым возмущением проступали жалость и тревога.

— Все не так плохо, — устало улыбнулась я. — Мне не в новинку работать допоздна... Просто обычно я занимаюсь корреспонденцией прямо в спальне, перед сном, поэтому о моих ночных бдениях мало кто знает. Это сейчас из-за запаха пришлось уйти в кабинет... Что-то еще?

Она кивнула, а потом сложила ладони лодочкой и поднесла к лицу, будто умывалась. И — тут же пристроила их под щеку и склонила голову набок.

— Вода уже готова? И спальня, полагаю, тоже? — догадалась я. — И что ж ты сразу не сказала? То есть не показала... прости, Мэдди.

У меня сердце защемило. Прошло столько времени, а наше рыжее сокровище так и не заговорило, хотя физически Мадлен была в полном порядке.

Девочка же всплеснула руками и расцвела улыбкой: мол, пустое. На щеках заиграли ямочки. Я подавила вздох. Жаль, что у меня не было сестренки — такой, как Мэдди... Жаль, что *она* не могла стать моей сестрой.

— Пойдем со мной. — Я поднялась и убрала шкатулку в ящик стола. — Магда должна была приготовить тебе постель в соседней комнате... — Мэдди нахмурилась и уперлась руками в бока, грозно отстукивая ногой ритм. — Ладно-ладно. В спальне Милдред есть диванчик, можешь перебраться на него, если так уж не хочешь со мной разлучаться. Но подумай, чего бояться в родном доме?

Мэдди неопределенно пожалала плечами. А потом неожиданно приложила пальцы к голове, как рожки, и скорчила страшную рожу.

От неожиданности я рассмеялась.

— В духов я не верю, Мэдди. И на коврик спать тебе не позволю, так и знай!

Несмотря на страшную усталость, сон все не шел. Я ворочалась в постели, то замерзая,

то скидывая одеяло из-за жары. Георг и царапина на его руке не выходили у меня из головы.

Я верила ему, знала, что он не мог устроить то нападение... Но все равно оставалось в голове подленькое «а если?», и от этого становилось стыдно.

С самого моего рождения Георг был рядом. Помогал леди Милдред в кофейне, беседовал о делах с моим отцом — как равный. Учитывая сложные отношения с родственниками по линии матери и то, что после Бромлинского бунта осталось всего четыре человека, фактически носящих в себе кровь Эверсанов или Валтеров, Георг стал для меня добрым дядюшкой-рассказчиком — лучшим, чем иные настоящие родичи. Он развлекал меня историями о Большом путешествии юной леди Милдред, о своих приключениях в дальних странах, о кофе и шоколаде, о политике и сказочных существах... И всем его басням я внимала с взрослой серьезностью и неудержимым детским любопытством.

Прошло время. Георг постарел, а я выросла. Но где-то глубоко внутри мы остались такими же, уверена... Мог ли Георг причинить зло той девочке, в которой видел если не свою так никогда и не родившуюся дочь, то племянницу?

Не мог.

Имею ли я право даже думать о том, что он меня предал?

Нет.

«Я не расскажу Эллису о царапине, — осознала я вдруг с неожиданной ясностью. — Это будет предательством».

И леди Милдред... бабушка... она бы не одобрила.

...Старая графиня Эверсан выглядит ничуть не старой. Такой, как на портрете: уверенной в себе дамой неопределимого возраста — может, около тридцати, а может, уже и за сорок. На молочно-белую кожу лба падает один-единственный локон цвета кофе — так же, как у меня, когда я снимаю шляпку. Тонкие пальцы машинально вертят трубку. Темно-синее платье стекает с кресла, как вода.

— Что есть предательство, милая Гинни? — спрашивает она, рассеянно улыбаясь. Я внимаю ей заворуженно, не в силах ни вымолвить слово, ни даже ресницы опустить. — Маленькие девочки мечтают о пони и о принце. И пони даже важнее. Потом они вырастают и забывают свои прежние желания. Это предательство?

Я хочу сказать «нет», но губы не слушаются. Мягкий ворс альбравского ковра щекочет колени. Стены словно подернуты зыбким туманом, в котором время от времени вспыхивает что-то, ярко, точно молния.

— Это изменение, милая, — говорит бабушка. Из трубки, как прежде, сочится дымок — пока тоненькая струйка, но она становится все гуще. — Мир непостоянен. Каждую секунду он принимает иной облик. Что-то уходит, что-то остается... Не тосковать об ушедшем, отпустить его — это разве предательство? — произносит она и тут же отвечает себе: — Нет, не предательство. Это изменение. А траур по любимым людям? Должен ли он быть вечным?

Дым материальными волнами оседает на ковер. Мне кажется, что на ощупь эта странная субстанция должна напоминать пух — мягкий и нежный. Как перышко, которым мама щекотала мне шею, когда я не хотела вставать рано утром...

— Близкие люди никогда не захотели бы, чтобы те, кто остается, горевал о них вечно. Если они действительно любили и были любимы, то пожелали бы живым счастья. Милая Гинни... — Улыбка леди Милдред становится печальной. — Ты жива и свободна. Весь мир ждет... Верные друзья, путешествия, приключения... и любовь, да, да, любовь, моя

маленькая Гинни... А ты спряталась в свою скорлупу посередине между прошлым и будущим. Тебе невыносимо вспоминать старые времена... но и строить планы тоже слишком больно... О, милая, ты еще так молода... не спеши так ко мне... Милая, милая Гинни... будь счастлива...

Трубка раскачивается в ее пальцах сильнее и сильнее.

А затем вдруг падает прямо на волны дыма, твердого, как камень, — и раскалывается с оглушительным треском.

[Купить полную версию книги](#)